

18+ Жанна Стафеева

Нет мира в конном мире

Часть 1. Вход

Жанна Стафеева

Нет мира в конном мире.

Часть 1. Вход

«Издательские решения»

Стафеева Ж.

Нет мира в конном мире. Часть 1. Вход / Ж. Стафеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900097-2

Это сага о лошадях и их владельцах. О сложной ситуации в мире людей, увлекающихся лошадьми. Об особом мире, где любовь, романтика и сентиментальность соседствуют с интригами на грани абсурда. О том, как попадают в этот мир и почему уходят из него. Этот роман — размышление на темы любви, дружбы, поиска своего пути и смысла жизни, проблемы отцов и детей, войны и мира. Три поколения читателей смогут найти в романе то, что созвучно струнам их души.

ISBN 978-5-44-900097-2

© Стафеева Ж.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	29
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Нет мира в конном мире

Часть 1. Вход

Жанна Стафеева

Редактор Надежда Залина

© Жанна Стафеева, 2026

ISBN 978-5-4490-0097-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Когда я вижу лошадь, не важно где — на фотографии, на телеэкране, в жизни — я автоматически оцениваю ее стати, подготовку, племенную ценность, темперамент. Но у меня не возникает желания ею владеть. Это просто взгляд со стороны.

Глава 1

Эта история началась очень давно. В декабре 1974 года, если быть абсолютно точной. Мне четыре с половиной года. Мои родители никоим образом не связаны с лошадьми. Отец — автомастер, мать — водитель трамвая. Но у отца имелся друг детства, который подрабатывал плотником в школе верховой езды. Тем зимним питерским утором у мужчин нашелся повод встретиться. Они вспоминали детство — улицы и подворотни Петроградской стороны, игры и драки. Я, в цигейковой шубке и валенках с калошами, забыта на трибунах крытого конного манежа. Прошло столько лет, а в памяти засели малейшие подробности того дня...

Я помню сладковатый запах опилок, звук гонга при старте очередного всадника, женский голос в громкоговорителе: «На старт приглашается... на лошади по кличке...». На спортсменах красные пиджаки. Разноцветные лошади взлетают над препятствиями... Пока идет выступление, публика молчит, но ближе к финишу, когда препятствие взято чисто или случился повал, трибуны взрываются эмоциями.

Лошади прыгают по-разному. Кто-то птицей пролетает над препятствиями, не уронив ни одной жерди, и трибуны взрываются гулом и восторженными криками. Кто-то менее удачлив. Порой жерди летят на землю с глухим стуком, и трибуны разочарованно гудят. Иногда падают всадники, и тогда люди вскрикивают и вжимаются в кресла.

Этому всаднику лошадь удастся поймать. Он садится в седло и продолжает соревнования. А у другого лошадь не хочет прыгать — после двух объездов препятствий его лишают дальнейшего участия в турнире. Всадник, убитый горем, уезжает. В конце — награждение в конном строю. Пятерым лучшим всадникам вручили грамоты, лошадям приколоты цветные розетки, и они совершили круг почета под аплодисменты и одобрительные крики публики.

Именно так все и запомнилось. Это — стандартная схема проведения соревнований по конкуру — преодолению препятствий. Тогда, в детстве, я лишь фиксировала события, а осмыслить их могу только сейчас. Но всякий раз, оказавшись на конных соревнованиях, я чувствую тот же эмоциональный подъем, тот же живейший интерес. И сердце колотится так же быстро, как тогда, когда этот мир, далекий и манящий, предстал передо мной впервые. У него, как и в любой области жизни, имелась парадная сторона и закулисье. И для входа за кулисы требовалось иметь там своего человека. Им и стал папин друг дядя Толя.

Соревнования закончились, трибуны опустели, про меня вспомнили. Дядя Толя повел нас с отцом на конюшни. Лошади стояли за решетками, как пленники, и тянули к нам усатые морды, от которых валил пар. Они были рыжие, коричневые и черные. У одних — маленькие белые звездочки, у других — большие белые полосы-проточины, третьи — вообще без белых отметин, самые красивые. Бархатными губами они брали сухари с ладони и шумно хрустели ими. Мы ходили по конюшне, кормили лошадей, но мне хотелось так же, как эти всадники, летать на спинах у лошадей.

За конюшнями по опилочному кругу большая девочка водила за уздечку огромную черную лошадь, и моя рука сразу же вцепилась в ладонь отца и стала тянуть его туда. Вблизи удалось разглядеть больше. Черное седло и белая подкладка. Ноги лошади красиво забинтованы белым. Грива заплетена в косички, и каждая косичка закручена бараночкой, а челка, наоборот, пушистая, как у школьницы. Лошадь блестела и переливалась на зимнем солнце. Она то ли бежала, то ли летела, то ли танцевала.

— Это наш знаменитый Пепел, — с гордостью произнес дядя Толя, — только вчера из Москвы приехал. Лиза! Надо посадить девочку в седло, покатасть хоть в поводу.

— Не, дядь Толь, Лена Владимировна заругает. Вы что!

— Не заругает. Она не увидит, мы чуть-чуть.

Меня закинули в седло, и сразу стало высоко-высоко. Впрочем, ничего другого я не успела ни увидеть, ни почувствовать, поскольку где-то сзади послышался истошный крик. Кричала круглолицая тетя в смешном черном пальто, спереди коротком, а сзади длинном. Она подбежала и дернула меня за ногу, которая оказалась ближе к ней. Я сползла с седла и заплакала, оказавшись на земле. Тетенька забралась на коня, потянула за ремешки и вонзила в бока коня железки, привязанные к сапогам. Конь весь подобрался и заплясал под ней, храпя.

— Ходят тут всякие... — прошипела круглолицая и сердито уехала, всем своим видом демонстрируя презрение. А я смотрела вслед удаляющейся лошади и плакала от обиды и разочарования, что все так плохо закончилось. Я же ничего плохого не сделала. Плакала всю дорогу домой, а потом еще дома, и только ближе к вечеру щипать в носу перестало. Уже лежа в постели, все думала — почему он Пепел? Он же не серый, а черный...

Я сидела на лошади всего несколько секунд. Их хватило, чтобы пленить меня навсегда. В этом было нечто, не поддающееся анализу. Но это «нечто» лишило покоя и потянуло к себе со страшной силой. То ли кровь заиграла, поскольку со стороны матери во мне течет кровь уральских казаков, а стороны отца — офицеров-кавалеристов, то ли звезды так расположились, однако с этого момента вся моя жизнь вокруг них, лошадей, и завертелась.

На моих рисунках везде были лошади. Они скакали по кругу, прыгали через препятствия, паслись на лугу. Все изображалось вполне правдоподобно — ноги лошадей забинтованы, из громкоговорителя льются звуки, и препятствие «каменная стенка» выглядит как настоящее, и уздечка нарисована правильно, с трензельными кольцами. В моих альбомах появились вырезки из журналов, календарики, марки с лошадами. Настольными книгами стали «Самый красивый конь» и «Прощайте и здравствуйте, кони» Бориса Алмазова. Если бы в них автор написал, как все непросто в этом самом конном мире, как много в нем зависти и интриг, может, я была бы осторожнее, не совершила бы массы ошибок, не набила бы шишек. Впрочем, я не жалею. Это часть моей жизни и мне не за что себя винить. Я любила лошадей всей душой, а они меня. Это был взаимный роман по большой любви. А большая любовь всегда приносит страдания, в которых мы очищаемся и крепнем...

В первый класс меня повела мама. Отец уехал в конце августа за грибами в Псковскую область. Шли проливные дожди, дорогу развезло, машина сломалась, и отец просидел под Псковом целую неделю. Он вернулся со связками сушеных грибов и ведрами брусники, из которой наварили вкуснейшего варенья. Но вернулся уже после первого сентября. Мама потом долго на него дулась и пилила при каждом удобном случае.

Класс наш оказался большим, сорок с лишним человек. Школа была «блатная», с преподаванием ряда предметов на французском языке. Училась я неважно, перебивалась с «тройки на четверку», с французским вообще была беда. Тяги к учебе не наблюдалось.

В первом классе для ребенка вообще много непонятного и нового, я часто отвлекалась, пропустила несколько важных объяснений, получила несколько неважных оценок... И как-то само собой получилось, что репутация троечницы прочно закрепилась за мной. «Французженка» Алина Алексеевна билась со мною насмерть, но без толку. Моей целью была единственная на весь Ленинград конно-спортивная школа. Она находилась на улице Марата, и все мои мысли бродили где-то там. Принимали с десяти лет, конкурс — огромный. Поэтому я упорно готовилась к экзаменам — занималась фехтованием, плавала, прыгала на батуте.

Не скажу, что я была в классе хуже всех.. Но на фоне ярких личностей вроде музыкальной Лены Михайловой и вундеркинда Даши Цивинной смотрелась не особенно выигранно. С математикой все обстояло сносно, но почерк сформировался отвратительный, словарный запас был маленький, да и читала я медленно. Складывание букв в слова первые два года учебы давалось тяжело.

Куда приятнее мечтать о будущем, в котором обязательно есть место лошади. Как в чешском фильме «Три орешка для Золушки». В старых пружинах мне мерещились стремена, в

оторванных ремешках — поводья, в отпечатках чьих-то ног — следы копыт. Наверное, это была болезнь. Но самая сладкая и приятная болезнь на свете. Предавалась она контактным путем, имела короткий инкубационный период. Будущее показало, что болезнь стала хронической и лечению поддавалась мало.

Родители не на шутку обеспокоились этим непонятным увлечением. Один раз ребенок попал на конюшню и стал буквально бредить лошадьми! Но в этом увлечении нашлась и полезная сторона. Книжки про лошадей, которые я поглощала в больших количествах, сослужили добрую службу. Сначала про лошадей, потом и про все остальное. Чтение открывало удивительный мир, и скоро оно уже стало для меня совершенно необходимо.

Нелюбовь к чтению сменилась горячей любовью: книжку вечером у меня отбирали уже с боем. Иногда я читала под одеялом с фонариком, потому что не могла уснуть, не дочитав книгу до конца. Учебный процесс пошел теперь гораздо веселее.

Но мечты поступить в конную школу так и не сбылись. Родители надумали сменить место жительства. Решено: мы переезжаем из Ленинграда в Абхазию.

Отец родился в Ленинграде в мае 1940 года. Перед самой войной бабушка вывезла детей в деревню, в Псковскую область. Она оказалась в оккупации. Бабушка рассказывала потом, что папа еще долгое время после войны старался держать в карманах сухари — боялся, что опять будет нечего есть.

Война подорвала здоровье отца. После тридцати он стал чувствовать себя совсем уж плохо и по настоянию врачей был вынужден сменить питерский климат на благодатный абхазский.

Отец купил половину ветхого саманного домика у вредной старухи бабы Клавы, и олимпийским летом 1980 года мы уехали в село Хейвани Гагринского района. Первой на новоселье посмотрела мама и сообщила, что места там райские — море в ста метрах от участка, отличный сад, а позади дома — горы. Я же мечтала только об одном — чтобы там оказались лошади...

Прощайте конноспортивная и художественная школа! И с друзьями — Максимом и Наташкой — придется расстаться. Но лошадей, конечно, жаль сильнее...

Помню горячий южный воздух, который я вдохнула, выйдя из поезда Ленинград-Адлер, как мелькали в окне машины диковинные деревья — платаны с плешивыми стволами, с которых ключьями слезала кожа, магнолии с белыми одуряющими цветами и темными лакированными листьями, белые и розовые олеандры. Как долго ехали на машине по петляющей дороге. И вдруг где-то справа, совсем близко, появилось море...

Живности на юге оказалось много. В поселке по улицам ходили индюки и гуси, роняя перья. После наступления темноты протяжно и жалобно кричали павлины. Наблюдались и другие представители фауны. Но меня интересовала совсем другая ее разновидность. Большая и четвероногая.

И к моей бурной радости, одна лошадь там все же нашлась. Меня послали за хлебом и сахаром в ближайший магазин. Это была лавочка, где можно было купить все, что угодно — кильки в банках, тетрадки в клеточку, югославские кожаные перчатки и яблочную пастилу, сливочное масло и велосипедные шины. Заправляла магазинчиком странноватая семья — маленький юркий грузин Валико в кепке «аэродром» и его тихая, почти безмолвная жена. Которая была на голову выше мужа и в два раза толще. Сельмаг являлся чем-то вроде сельского клуба. Вокруг него всегда было многолюдно. Здесь встречались, делились новостями. Я могла только догадываться, о чем велись долгие и эмоциональные беседы. Внутри магазина пахло хлебом, сахаром и дегтем.

Выйдя из магазина, я заметила, позади него мелькнуло что-то каштановое. Сомнений не было — конечно же, это лошадь! Гнеденький горбоносый ме-ринок сонно щипал траву, внимательно обходя куски арматуры, торчавшие из земли... В сумке у меня лежали три буханки душистого белого хлеба (такого хлеба в Ленинграде не найти) и двухкилограммовый бумаж-

ный пакет сахара. Жаль, сахар не кусковой — он был бы сподручнее для знакомства. Подойти к незнакомой лошади еще страшнее, чем к собаке. Но надо же с чего-то начинать...

Я отломила кусок корки и протянула хлеб на вытянутой руке. Конь оторвался от поедания травы и втянул воздух ноздрями. А потом сам пошел мне навстречу. Как же восхитительно от него пахло — конским потом и пережеванной зеленой травой! Гнедой взял хлеб бархатными губами и принялся пережевывать корочку. Я знала, что мягким хлебом кормить лошадей нельзя и потому ободрала с буханки все корки. Объем каравай, гнедой невозмутимо удалился. Но мне хватило и этого. Я неслась домой, хлопая себя по коленкам тяжеленным пакетом.

— Мама! Мама! Лошадь!

Я просто захлебывалась от переполнявшего меня счастья!

Жаль, что родители моих восторгов совершенно не разделяли. Отец в мастерской, оборудованной прямо на участке, чинил битые машины. Трамваи по Леселидзе не ездили, только автобусы, большие желтые «Икарусы», поэтому мама превратилась в домохозяйку. У нее быстро появились приятельницы. Одна из них приносила изумительные душистые «шампанские» яблоки из своего сада. Шампанскими они назывались потому, что при падении с дерева на яблоке образовывался «синяк», где шипел и бурчал сок, словно шампанское.

Первое лето в Абхазии — беззаботное, наполненное яркими впечатлениями. Мы считались гостями из Ленинграда. Местные жители с гордостью показывали достопримечательности: Голубое озеро и озеро Рица, дачу Сталина на мысе Пицунда, монастырь и пещеру в Новом Афоне. Пальмы и платаны, олеандры и магнолии... После блеклой питерской природы — это выглядело так ярко, сочно и буйно.

Надо ли говорить, что самым ярким и памятным эпизодом стало для меня фотографирование на лошади. У меня сохранился снимок. На нем — замученная туристами пожилая лошаденка, а сверху я — в папахе и бурке. При этом вид у меня на фото лихой и абсолютно счастливый.

Море не стало для меня диковинкой. Все-таки в Петербурге тоже есть свое море — Финский залив. Станным казалось название «Черное». Оно на самом деле было разного цвета в зависимости от погоды — когда серое, когда зеленое, но никогда — черное. Иногда, безветренным ранним утром, даже далеко от берега просматривалось дно — вода словно застывала. Ходить по галечному берегу оказалось страшно неудобно, но говорили, что очень полезно для здоровья. Этаким точечный массаж ступней.

Плывать я училась еще в ленинградском бассейне, однако вода упорно отказывалась меня держать. В море все получилось само собой. Может быть, потому, что в море вода была соленой, выталкивала меня на поверхность сама. Мама — исключительно сухопутная птица — в приобретенные навыки не верила и сильно дергалась, если я отплывала далеко.

— Не смей плавать на глубину, — ворчала она. Впрочем, мама и в первое лето на море ходила редко, а потом и совсем перестала.

Она хлопотала по хозяйству, ворчала по поводу нашей бытовой неустроенности и изредка ругалась с соседкой бабой Клавой.

Об этой старушке хочется сказать пару слов, поскольку это весьма колоритная фигура. Среднего роста, крепкая, веснушчатая, в неизменном платочке, надвинутом на лоб. Глаза ее, как маленькие узенькие шелки, бегали туда-сюда, замышляя новые козни.

Кубанская казачка, дородная и ушлая, Клавдия вышла замуж за вдовца — грузина Ваню. Она как-то умудрилась оставить двоих его детей без наследства, когда его не стало. Имущество состояло из ветхого дома

И запущенного сада — они и стали источником невиданного дохода для хитрой тетки. Сначала она продала отцу половину дома, а потом, пользуясь тем, что и со второй половиной дома надо было решать вопрос, «загнала» оставшуюся часть дома втридорога вместе со старой мебелью, источенной жучками, разохшимися винными бочками и старым самогонным аппа-

ратом. Гнали самогон и делали вино в поселке буквально в каждом дворе. Сначала виноград дробили в специальной кадке с роликом, утыканным гвоздями. Ролик вращали за ручку, и дробилка выплевывала раздавленные ягоды — синие кожурки и зеленую мякоть. Из свежего виноградного сока делали чурчелу — нанизанные на нитку орешки, которые макали в кашу из виноградного сока и кукурузной муки. Верхний хвостик нитки оставался для подвешивания. Все это высыхало, и получалась резиновая темно-красная колбаска с орешками внутри. Орехи, кукуруза и виноград для нее росли в нашем саду.

Дробленный виноград перегружался в чаны, где сок бродил вместе с мездрой, а когда вино отцеживалось в бочки, из забродивших виноградных шкурок и косточек в каждом дворе гнали чачу или виноградную водку. Это трудоемкий и длительный процесс. Надо поддерживать постоянный огонь под самогонным аппаратом, чтобы он не остыл. Мама сутками дежурила у этого костра, по капле нацеживая то, что потом целое лето потребляло наше отдыхательное братство. Чачей расплачивались с работниками, ею давали взятки, ее употребляли и как горячительный напиток, использовали для растирания больных с высокой температурой, шла она и для приготовления настоек. Виноградная водка должна была гореть, если поднести к ней спичку. Тогда она считалась хорошей.

Отец хотел, чтобы в саду было абсолютно все! И принялся за дело со свойственным только ему размахом. Одних мандариновых и лимонных деревьев было высажено штук пятнадцать, а также по несколько саженцев персиков и абрикосов, хурма и фейхоа, вишня и черешня, слива, шелковица, груша, мушмула. Все это великолепие наливалось и плодоносило. К моей бурной радости...

На целебном абхазском воздухе отец поправился и окреп. Настолько, что захотел произвести на свет наследника. Но все время получались девочки. Сначала — близнецы, а потом и еще две незапланированные девочки-погодки. Семья выросла, как на дрожжах, поэтому отец затеял строительство нового дома. Взаялся он за дело с жаром, присущим всем энергичным дилетантам, но без проекта, по эскизу, потому было много недоработок и несостыковок. Когда же дело дошло до устройства новой беседки для винограда, отец насмешил всех наших соседей. Он сварил из труб огромные арки, метра по три высотой и закинул на них виноградные лозы. На вопрос соседей:

— Женя, а ты как виноград-то с такой высоты собирать будешь? — он гордо ответил:

— Привешу люльку и буду в ней кататься.

Надо ли говорить, что люлька так и не была привешена, и сбор винограда каждую осень превращался в верхолазание?

В сентябре я отправилась в четвертый класс. Формально школа была русской, то есть преподавание велось на русском языке, но с обязательными уроками грузинского языка и истории Грузии. Класс собрался интернациональный — русские, армяне, грузины, мингрелы, греки, эстонцы, украинцы и, конечно, абхазы, коренное население. Мальчишек — хулиганистых и задиристых, оказалось значительно больше. Девочки — все на подбор воспитанные, учились старательно, но слабо. Я оказалась в новой школе на особом положении. Лавры «ленинградской девочки» свалились неожиданно-негаданно на мою голову, и это было приятно. Они привлекали повышенное внимание и требовали быть первой. Лучшей. Впрочем, скоро нашлись и завистники. Старшеклассницы непонятно за что дразнили меня «ленинградской крысой». Потом они разобрались, что я нормальная девчонка и даже извинились. Но поначалу было очень обидно.

Я попробовала учиться на пятерки и быстро оценила преимущество быть отличницей. Учиться стало легко и приятно. Защищая честь школы на олимпиадах и слетах, объездила всю республику, участвуя в школьных мероприятиях. Именно благодаря своей школьной активности я побывала в Сухуми, Очамчири и даже в Тбилиси. Директор школы Надежда Ивановна была неутомимой энтузиасткой и умудрилась собрать превосходный педагогический

состав. Нас учили выпускницы университетов страны, и по многим предметам учебный процесс был организован исключительно интересно. Физик Виктор Павлович вел уроки с множеством наглядных пособий, а учитель истории Римма Васильевна всегда использовала массу дополнительной литературы. Уроки физкультуры проходили прямо на море весь сентябрь. Мы плавали на время, при этом мальчишки норовили стащить незаметно с девчонок купальники. И еще на гражданской обороне на пляже мы стреляли из «мелкашки». Тут уже никто не баловался — оружие — серьезная вещь! Но это уже в старшей школе.

Любимым предметом стала, естественно, биология. Для глубокого изучения этой науки в школе имелся настоящий биологический музей, с чучелами птиц и зверей нашего края и богатейшей коллекцией растений со всего света. Каждый вечер дежурили. Мальчишки таскали воду, девочки хозяйничали с лейками. Было весело...

Мы проводили экскурсии по музею для всяких заезжих делегаций, и даже порой на английском языке. Помню, однажды нагрязнула делегация детей английских шахтеров. Худенькие подростки в узеньких джинсах-дудочках

и футболках с ненашенскими надписями, жующие дефицитную жвачку... Они слегка боялись нас, а мы — их.

Но подлинный ужас я испытала, когда школу посетил лидер коммунистической партии Бахрейна, настоящий чернокожий человек. Мне, как председателю Совета Дружины пионерской организации, положено было приветствовать почетного гостя. Конечно, я пожала ему руку, но на моем лице отразилась вся гамма испытываемых чувств. Высокий гость отлично все понял и все повторял мне по-английски:

— Не бойтесь меня, не бойтесь...

Потом произошел обмен значками — моим пионерским на значок компартии Бахрейна, и моя трудная ми-сия завершилась. Конечно же нам твердили тогда в школе, что все люди — братья и что у нас интернационал. Но этот «брат» был такой непохожий на нас, с белоснежными зубами, сверкавшими на черном лице. И потом, у него такие непривычно светлые ладошки... А значок бахрейнского коммуниста до сих пор лежит в шкафу в коробке со старыми фотографиями...

Кроме биологического, в школе располагались: краеведческий музей, в котором были собраны редкие палеонтологические экспонаты, музей Ленина с маленькими моделями домиков, где когда-то жил вождь мирового пролетариата, Клуб интернациональной дружбы с коллекцией национальных костюмов всех пятнадцати советских республик. Все эти школьные заведения я в разное время возглавляла. Первый опыт такой работы пришел ко мне именно в школе. Если ты умеешь собрать для выполнения какого-то задания детей, которым это не особо нужно, можешь увлечь своей идеей и организовать их для выполнения каких-то конкретных задач, то руководить взрослыми потом — проще простого. У взрослых всегда есть заинтересованность, чаще всего материальная. Детей же нужно просто увлечь, и тогда дело пойдет! Второй полезный навык — публичных выступлений — сформировался у меня тоже в школе. По натуре я стеснительна, но школа приучила к тому, что на меня обращают внимание и ждут каких-то особенных мыслей. И я с радостью их генерировала! И двигала в массы.

Умные мысли можно было почерпнуть из книг. В то время я читала уже запойно, стремительно расширяя кругозор и словарный запас. Читала все подряд — от книг по виноградарству до «кирпичей» местных авторов, посвященных тяжелой доле абхазского народа до революции. Скоро все имеющиеся книги оказались перечитанными, и возник настоящий голод. В старших классах учительница русского языка и литературы Александра Леонидовна пришла на помощь — она снабжала меня книгами из домашней библиотеки. У нее был замечательный литературный вкус, поэтому я быстро перешла на образцы другой прозы и произведений местных авторов больше не читала.

Но самым увлекательным чтением для меня был конечно журнал «Коневодство и конный спорт», который прочитывала его от корки до корки, включая статьи про нормы выжеребки в расчете на сто кобыл и списки двухминутных рысаков. Второе означало, что рысак преодолел дистанцию 1600 метров рысью за 2 минуты.

Особенно запомнился материал о маленькой девочке Оксане Духовской, которая на соревнованиях по выездке заняла первое место. И фотография — девочка в кружевной кофточке с жабо едет на большом соловом коне испанским шагом. Как же мне хотелось оказаться на ее месте!

Я решила стать зооинженером по коневодству, буду выводить новые породы, бороться за резвость орловского рысака и заниматься высшей школой верховой езды. Но отец авторитетно заявил, что ЕГО дочь «кбням хвосты крутить не будет, а будет изучать иностранные языки». Масла в огонь подлили отдыхающие. Они тоже твердили, что для девочки иностранные языки — самое лучшее занятие. Но мне в «иняз» совсем не хотелось, я втайне все равно мечтала о Тимирязевской сельхозакадемии.

Отдыхающие населяли наш дом и двор с мая по октябрь. Свободные комнаты сдавались покоечно. Три рубля в сутки. Кого-то мама находила на вокзале, это были случайные люди. Им сдавалась спальное место и давалась возможность что-то сварить на плите в летней кухне. Другая категория — постоянные отдыхающие, которые приезжали из года в год — многочисленные знакомые и приятели родителей, приезжавшие в гости.

В то время Абхазия была местом паломничества простого советского народа. «Апсны — страна души!». Это было более экзотично, чем Сочи или Одесса. Любой советский инженер мог накопить рублей сто на железнодорожные билеты и отдых в частном секторе. Члены партии отдыхали в специальных пансионатах, где жили в комфортабельных номерах, получали изысканный по совковым меркам сервис и черную икру на ужин. Народ попроще бегал с кастрюльками, в которых варился «суп-письмо» — концентраты из бумажных пакетов — и булькали незатейливые сосиски. Вкупе со свежими огурцами и помидорами и местным ноздреватым белым хлебом они и составляли пищу наших отдыхающих.

Дети родительских друзей были моими ровесниками. Наша шумная детская компания развлекалась всеми доступными способами — палатка в саду, костер, беготня на море, плавание, игра в карты, стрельба из рогатки по летучим мышам.

В сентябре основная масса гостей разъезжалась. Оставались лишь те, кому не нужно было вести детей в школу. А для меня наступала школьная пора. Два километра туда и два обратно. В сентябре еще по-летнему светило солнышко и летали стрекозы — зеленые и голубые. Весь сентябрь — физкультура на море и уборка урожая. Недели две-три из учебного процесса просто выпадали. Нас отправляли «на виноград», «на груши» и «на табак».

«На табак» звучало особенно экзотично. Сперва надо было долго-долго карабкаться в гору, где стояли огромные табачные сараи. Работницы приносили с плантации большие плетеные корзины табачных листьев, а ученики должны были каждый листочек аккуратно проткнуть огромной иглой. Утыканная листьями табака железная игла с большим ушком сдавалась старшим. Те вдевали в нее бечевку, листья аккуратно протаскивались на веревку и натягивались на огромные деревянные рамы, которые, как вагонетки, катались по деревянной дороге, обеспечивая непрерывный приток воздуха к ценному экспортному сырью. Табак назывался «самсун». До сих пор помню тонкий и изысканный, слегка горьковатый аромат табачных листьев...

В сентябре гостей было мало и, когда уезжали последние, жизнь в нашем дворе замирала. Исчезали вечерние посиделки за чаем и телевизором, многочисленные истории из жизни наших общих знакомых, анекдоты, пересказы последних фильмов и книг. Время становилось вязким и тягучим. Казалось, его можно было резать ножом, до того неспешно текло. Потом, в

мае, вновь начинался «отдыхательный» сезон, и время снова летело на всех скоростях, вовлекая в водоворот интересных событий и новостей... Газ, а потом снова тормоз.

Но мне не часто доводилось принимать участие в массовых гуляниях на пляж и в кино — сестренки стало уже четверо, надо было маме помогать. Наш домашний детский сад постоянно галдел, рассыпался в разные стороны и требовал неусыпного внимания. Мама предпочитала заниматься домашними делами, а процесс воспитания детей был благополучно «сбагрена» мне. Очень часто случалось, что и «за уроки» я могла сесть только после девяти вечера, когда четверо «команчей» засыпали.

Конечно мне хотелось сбежать в гости к Ваньке, так звали гнедого конька кабардинской породы, которого я когда-то встретила у магазина. Он стал совсем ручным и даже «гу-гукал», когда я приносила что-то вкусненькое. Одна беда — я еще на нем ни разу не покаталась. А так хотелось! Ванькин хозяин дядя Миша, объездчик виноградника, любил погар-цевать по поселку в старом казачьем седле. Меня в это седло не пускали. Мало ли, еще упадет эта странная русская девчонка! Отвечай потом за нее. Но я не теряла надежды.

У моего отца было несколько «пунктиков». Один из них — приучать меня к труду. То есть все вещи, которые мне хотелось иметь, я должна была заработать. Джинсы, кроссовки, дополнительные уроки английского. Я терла шкуркой детали машин, которые отец потом красил. Крыло стоило десять рублей. Капот — пятнадцать. Заработанные деньги давали почти взрослому независимость, и это было здорово. Потому что отец любил повторять:

— Ты ешь мой хлеб и должна делать, то, что я считаю нужным!

А так — хотя бы джинсы не приходилось выпрашивать, а потом за них благодарить. Именно тогда я поняла, что легче заработать, чем попросить. А потом работать стало так же естественно, как есть, спать, дышать. Это только сначала было обидно, что я надрываюсь в мастерской в то время, когда мои ровесники бегают в кино и играют в карты.

Тем временем случилось нечто, окончательно определившее мою профессиональную стезю. Началась химия.

Увидев химичку, я сразу поняла, что влипла. Уже и не помню, как эту учительницу звали на самом деле. Все за глаза называли ее Плюмбой и громко смеялись, когда она называла свинец по-латыни: «Плумбум».

Я запомни-ла ее толстой приземистой коротышкой, «так-на-так», с носом картошкой и пронзительным визгливым голосом базарной торговки.

Эта самая Плюмба очень любила унижать учеников, особенно из небогатых и многодетных семей, понимая, что их родителям некогда бегать в школу разбираться. Она упивалась своей властью и часто опускала самооценку учеников ниже плинтуса. Меня она невзлюбила, увидев имя и фамилию в журнале.

— Алевтина Адажий! Из аристократов что ли, а ну, к доске!, — взвизгнула она.

И сразу же прицепилась к моему ответу. Так посвилась первая в новой школе тройка. По химии.

Спокойная и комфортная жизнь в школе ушла в небытие. Теперь я готовилась к урокам химии по учебнику для поступающих в вузы, тщательно зубрила и штудировала материал. И получала всегда одну и ту же оценку — «удовлетворительно». На свою беду, в начале года я «перешла дорогу» ее внучке Леночке — в седьмом классе выиграла республиканскую олимпиаду по литературе. И теперь мне, а не плюмбиной внучке, досталось негласное звание «первой девочки школы». Плюмба как-то заявила мне в «подсобке» своего кабинета, без свидетелей, что я никогда не получу по ее предмету больше тройки, и что она обязательно испортит мне аттестат.

Тогда еще действовал конкурс аттестатов — если средний балл не дотягивал до определенного, принятого в данном ВУЗе, то у выпускника документы в просто не принимали. С «тройкой по химии» пытаться поступить в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию

выглядело отчаянной наглостью. Профессии зооинженера по коневодству обучали только там, ну еще в Алма-Ате. В Алма-Ату мне совсем не хотелось.

Оставалось подавать документы на филологический факультет, где профилирующие предметы — английский, русский и литературу и история — с которыми все у меня сложилось отлично.

Но аттестат-то надо было спасти в любом случае. У меня произошел серьезный разговор с директором, которая была очень рада моим успехам на олимпиадах и конкурсах. Пожилая директриса была, конечно, в курсе истории с химичкой. Но Плюмба пригрозила уволиться, если Надежда Ивановна вмешается в учебный процесс, поэтому мой вопрос на должном уровне решить не удалось.

— Ты же умная девочка, ну так и найди к ней подход, — предложила директор.

Подходы были испробованы разные — от попытки проигрыша районной олимпиады по литературе плюмбиной внучке Леночке (не удался по причине бездарного сочинения, написанного самой Леночкой) до банальных подношений цветов и конфет по случаю дня рождения, дня учителя и восьмого марта. Ничего не помогало. «Горел» мой аттестат, и его надо было срочно спасти. Ситуация казалась тупиковой.

И вот тогда меня в первый раз посетил Рафаил. Да-да! Мне приснился самый настоящий ангел. С белыми крыльями и печальными темными глазами. Выражался он очень странно, медленно и туманно. Видимо, так говорят все ангелы.

— Бесполезны твои переживания. Если будешь бороться, то победишь... — величественно изрек ангел и улетел. Я все думала над его словами и не могла понять их смысл. Как бороться школьнику с учительским произволом? Я долго думала и придумала пригласить на школьный экзамен по химии районную комиссию.

В присутствии проверяющих Плюмба изменилась до неузнаваемости Корректна, дружелюбна. Ну, просто мать родная! Мне была поставлена на экзамене совершенно справедливая пятерка, которая вкупе с тройкой за год дала в аттестате четыре. Так я поняла, что всегда надо бороться и идти до конца, если есть, конечно, благородная цель. Еще не поздно было переиграть все на Москву, но родители были непреклонны — поступаешь в Ленинграде. Их решение начертило между нами разделительную полосу на долгое время. Мечту о коневодстве пришлось оставить. На какое-то время. И общение с лошадью тоже. Хозяин местного конечка был очень обеспокоен привязанностью, которую его Ванька питал ко мне за горбушек и морковки с нашего огорода. Конь бежал ко мне, завидев издали. Он терся о мое плечо дохматой головой и выпрашивал вкусные кусочки, протягивая ножку. Он любил, когда ему чесали затылок и стоял, блаженно закрыв глаза. Ванька тыкался горбоносой головой мне в живот, совсем легонько — заигрывал. Жаль только, что хозяин редко приводил его с виноградника к себе домой. В один «прекрасный» день Ванька был сослан на виноградник окончательно, и мы совсем перестали видеться. Я не смогла даже попрощаться с ним, хотя покататься верхом мне все же разок позволили.

Удобно и мягко сидеть на кожаных подушках казачьего седла, только стремяна, конечно, пришлось подтянуть покороче. Мне было высоко и тряско, но я на пару минут я смогла ощутить то бесконечное счастье, которое дает единение с конем. Я несла его в себе, стараясь не расплескать.

Каждый раз, подходя к повороту улицы, где жил Ванькин хозяин, я вглядывалась вдаль, не мелькнет ли вдали темно-коричневая фигурка? Но она не появлялась. Ванька был далеко.

Отплясав на выпускном вечере, на следующий день я уже спускалась по трапу адлеровского самолета и вдыхала сырой питерский воздух. И поняла: я дома. Абхазия оказалась только перевалочным пунктом на моем жизненном маршруте. Родиной был Ленинград.

Перед отъездом я изрядно удивила отца:

— Помогать мне не нужно. Сама справлюсь. Больше не хочу есть твой хлеб, буду зарабатывать свой.

Глава 2

Ленинград встретил меня влажным холодом. Летов тот год было удивительно холодным. Низкое свинцовое небо, Нева цвета мокрого асфальта и для контраста — нарядное бирюзовое здание филологического факультета, точно дорогая брошка на сиротском платье. Неделями шли дожди. А когда их не было, с неба все равно сочилась противная морось. Каждый день всего плюс четырнадцать-шестнадцать. Я постоянно мерзла и куталась в теплую кофту.

А конкурс аттестатов действительно отменили! Подавай документы в любой ВУЗ. Красота!

На ум пришли туманные слова ангела. Выходит, прав был Рафаил. Моя отчаянная война с Плюмбой оказалась совершенно напрасной.

Или нет, не такой уж напрасной, это был первый опыт победы в схватке со взрослыми. Родители, как бы сильно я ни старалась, неизменно были мной недовольны. Навстречу никогда не шли, гнули свою линию. Отлучили от лошадей. А тут у меня получилось! Получилось!

Документы были поданы на английское отделение филологического факультета ЛГУ. На экзаменах я провалилась. Дважды — и на дневное, и на вечернее отделение. Качество обучения языкам в сельской школе не шло ни в какое сравнение с уровнем подготовки языковых спецшкол Ленинграда. Пришлось поступить на подготовительное отделение Университета.

Приходя туда на занятия, я каждый раз открывала тяжелые дубовые двери филфака и благоговейно думала:

— Я буду ЗДЕСЬ учиться.

У меня появились репетиторы — преподаватели университета, которые точно знали, что от меня потребуется на вступительных экзаменах. Самая колоритная — Марина Андреевна — сухопарая пожилая женщина, похожая на маленькую суетливую птичку. Она не выговаривала, наверное, добрую половину букв алфавита и забавляла учеников сентенцией:

— Бавыфни, бавыфни! Вот ефли вы неудачно выдите замуф, то вы мовете вазвестифь. Но ефли вы пофтутите в инфтитут, а не унивефситет — вы с вафим дипвомом уфе никуда не вазведетесь!

Но за право открывать эти двери, в качестве студентки филфака надо было еще побороться. Я устроилась лаборанткой на кафедру в Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук при ЛГУ.

Работа непыльная. Я изредка печатала на машинке расписание лекций и авторефераты, пила чай с коллегами, такими же наполовину праздными, как и я. И мечтала о лошадях. Пока только мечтала — надо было зарабатывать на жизнь. Долго было добираться на работу, ехать с работы, потом курсы. Бытовые вопросы в то время тоже решались весьма непросто.

Я боялась опять провалиться на английское отделение и подала документы на польское. Мне казалось, что туда меньше конкурс, но оказалось, что ненамного. На этот раз у меня все получилось, и к родителям я поехала в августе уже полноправной студенткой филологического факультета. В Абхазии меня ждало сильнейшее разочарование — мои журналы «Коневодство и конный спорт» за 7 лет, аккуратно сложенные перед отъездом, оказались «прочитанными» моими младшими сестрами. Уцелело всего несколько страниц. Это было так неблагодарно с их стороны! Я заботилась о них, ночей не спала, кашей кормила, носы подтирала... Рыдая, я собирала то, что осталось от моих сокровищ.

Мама лишь пожимала плечами:

— Надо было сразу забирать с собой.

Уезжая тогда, я тащила толстенные словари, которые позарез были нужны для учебы, и маме это обстоятельство было известно. Но она не выносила детского плача и готова была дать

им что угодно, лишь бы девочки молчали. Журнал с девочкой Оксаной, едущей испанским шагом, я так и не нашла...

Родители были воинствующими атеистами. Меня же крестили по настоянию бабушки в возрасте шести месяцев. Я носила крестик и молилась про себя, как умела. С заявлениями «Бога нет» я была категорически не согласна. Это оказался дополнительный клин в отношениях с родителями, которые и без того не были простыми. Отец мечтал о сыне, дочка считалась «браком», и себя он называл «бракоделом».

Мама детей не любила, они ее раздражали, особенно я, которая была похожа на ее нелюбимую свекровь. Ту самую, которая настояла, чтобы меня окрестили. Мне часто доставалось от матери совершенно безо всякой причины. Замученная непростой и неустроенной деревенской жизнью, она отыгрывалась на старшей дочери. Меня она называла «скотобазой», и это было очень обидно.

Именно тогда пришло понимание того, что мир несправедлив. Я не была завистливым ребенком, но что-то похожее на зависть всегда шевелилось в моей душе, когда я видела, как относятся к детям другие люди. Они любили их просто так, ни за что, со всеми их двойками и шалостями. С меня всегда спрашивали по полной и никогда не жалели. Эта рана рубцевалась долгие годы и периодически дает о себе знать и сейчас, будто место старого перелома ноет при перемене погоды.

Я была рада, что теперь родители далеко. Виделись мы редко, и никогда эти встречи не доставляли мне удовольствия. Мама регулярно сравнивала меня с сестрами и считала, что именно они, а не я — предмет ее гордости. Мне хотелось, чтобы мной гордились тоже. Я старалась хорошо учиться, помогать по дому, не перечить отцу и матери, но все было бесполезно. Наши абхазские соседи искренне считали, что я — дочь отца от первого брака, то есть падчерица.

Теперь ситуация изменилась. В Ленинграде я была независимой, сама себя обеспечивала и за родительской помощью не обращалась никогда. Пять лет учебы прошли в трудах — я преподавала английский детям, работала письменным и устным переводчиком. Училась на дневном отделении филфака, а со второго курса еще и на экономическом факультете в школе бизнеса. Занятия там шли по субботам с девяти до восемнадцати. В эти дни я пропускала занятия на филфаке на совершенно законных основаниях.

Попала я в бизнес-школу совершенно случайно. На втором курсе, в разгар экономических потрясений, когда рубль стремительно обесценивался, за колбасой выстраивались километровые очереди, денежные вклады населения сгорали и предприятия месяцами не выплачивали зарплату, во мне поселился страх — оказаться безработной со своим горячо любимым польским языком.

Поскольку я была прилежной студенткой, меня заметил преподаватель политэкономии и предложил получить второе высшее образование в школе бизнеса.

— Занятия уже три недели как начались, но я напишу записочку, вас возьмут, — сказал он.

Оставалось только согласовать вопрос моего особого расписания с заведующим славянской кафедрой. Это был удивительный человек. Помню свой самый первый день в университете. Петр Андреевич повел нас на экскурсию в Библиотеку Академии Наук, или «баню», как ее шутливо называли студенты и преподаватели. Прежде чем открыть тяжелые дубовые двери, он дал нам такое напутствие:

— Если вы пришли в университет получать знания, то вы ошиблись дверью. Что возьмете, то и ваше!

Это был состоявшийся ученый и мудрый человек. Он все про нас, студентов, знал — кто с кем дружит, у кого по какому предмету даже неясные «хвосты», и кто к какому клану принадлежит — литературоведов или «языковедов». Еще на первом курсе я почувствовала,

что на кафедре идет какая-то странная война. Сделанный мною реферат по языкознанию был подвергнут жесточайшей критике со стороны нашего преподавателя польской литературы. Яду было вылито столько, что стало понятно — существует какая-то другая причина для столь яростной критики, чем фактически допущенные мной в работе ошибки и неточности.

После битвы с школьной Плюмбой мне совсем не хотелось новой войны. После того случая я держала нейтралитет, благоразумно занявшись стилистикой, которая находится где-то посередине между враждующих сторон. От меня тут же все отстали, и моя учеба на славянской кафедре прошла в довольно доброжелательной атмосфере.

На филологическом мне посчастливилось учиться у замечательных преподавателей. Помню профессора Иванова, который всегда торжественно входил в аудиторию — высокий, стройный для достаточно почтенного возраста, в идеально выглаженных белоснежных рубашках. Безупречный. Иванов читал лекции по русской литературе второй половины девятнадцатого века. И как читал! Он не сделал в своих лекциях ни одной интонационной ошибки! Его речь была безупречной. Образец ПРЕПОДАВАТЕЛЯ СТАРОЙ ШКОЛЫ. Каждая лекция — праздник.

Но образцовой студенткой я стала тоже не сразу. На первом курсе приехали в гости тусовщики из Люберец, и мы всю ночь слушали записи «Аквариума», вели душещипательные беседы и употребляли портвейн на моей просторной кухне. В итоге, из наспех прочитанных древнерусских текстов я почти ничего не помнила. Зато до сих пор помню свой билет — «Житие Александра Невского».

— Ну те-с, сударыня, — прогудела басом грузная преподавательница по фамилии Демкова, или «бабушка Демкова», как звали мы ее за глаза.

— При каких обстоятельствах появился на свет Александр Невский?

Я густо покраснела и сказала:

— Не знаю.

— Да, матушка! А «Житие Александра Невского» то вы не читали. Ибо, если бы вы его читали, то с легкостью бы ответили, что Александр Невский появился на свет от Святого духа.

Двойка была совершенно справедливая. Это был первый и последний экзамен в университете, который я завалила. Ко всем последующим экзаменам и зачетам теперь готовилась аккуратно — читала в течение года тексты, записывали их краткое содержание. Перед самым экзаменом просматривала сделанные записи. Я помнила, на каком этаже жила старуха-процентщица, какой породы был пес у дамы с собачкой и какой мундир был у Чичикова. Собственно говоря, мундиров у этого литературного героя было два — брусничный и «цвета наварринского пламени с искрой». Это были излюбленные вопросы преподавателей на экзамене. Считалось, что студент, читавший текст, обязан помнить такие подробности.

К экзамену у профессора Иванова студенты, даже самые несознательные, готовились тщательно. Читали тексты из данного Ивановым списка, записывая основное содержание повестей и романов, фиксируя все детали, на которые преподаватель мог обратить внимание при проверке. Не ответить на экзамене такому преподавателю было бы просто стыдно.

Каково же было наше разочарование, когда Иванов не явился на экзамен, и наши блестящие знания были продемонстрированы какой-то аспирантке с кафедры. Причина оказалась серьезной — тяжело заболела его жена. Глядя в глаза молоденькой аспирантки, я мысленно представляла себе высокого седого преподавателя в кипенно-белой рубашке. Профессор Иванов стал тогда моим камертоном и примером для подражания. Я бесконечно благодарна этому удивительному человеку, который собственным примером научил меня бережно и благоговейно относиться к каждому родному слову.

С польским у меня как-то не заладилось. В ленинградской школе мне легко давался французский. Но я была слегка ленива и не слишком старательна в его изучении. Потом, в Абхазии, я начала учить английский с четвертого класса. И этот язык тоже давался легко, игра-

ючи. И тут такая незадача с польским... Было странно копировать манеру «нарочито» произносить слова. Интонации, свойственные у нас речи не слишком культурных людей, были абсолютной нормой произношения для поляков. Ничего не поделать, уж такая в польском языке мелодика. Всякий раз, когда надо было говорить, меня аж выворачивало от необходимости кривляться. Привыкала мучительно и целый год и была исключительно молчалива на уроках польского. Меня уже собирались отчислить и даже нашли на мое место девочку с биофака. Но мне на роду было написано закончить университет по специальности «славистика».

Летом я познакомилась с Анджеем Бартошем, своим первым мужем. Погружение в среду изучаемого языка сотворило чудо, и я заговорила по-польски легко и свободно. Как будто перешла с этим языком на «ты». Девочка с биофака так и осталась на биофаке.

Но мне и этого было мало! Я очень хотела учиться на экономическом и получить второе высшее.

Записочка преподавателя политэкономии сработала, и меня в школу бизнеса зачислили. Лучезарно улыбаясь, я «стрельнула» конспекты у мальчиков, которые учились с самого начала, аккуратно переписала их и подготовилась к своему первому зачету. Система обучения была жесткая. Один зачет не сдал — вылетаешь. Из четырех сотен новобранцев до финиша доползли всего около тридцати. Самые стойкие и трудолюбивые.

Главным открытием из дисциплин бизнес-школы для меня стал маркетинг. Читал его преподаватель по фамилии Остапенко — симпатичный молодой человек в модном пиджаке горчичного цвета. Он проходил стажировку в Америке, где заразился бациллой маркетинга и был, несомненно, человеком, весьма увлеченным предметом. И эту увлеченность он передал мне. Я читала «Основы маркетинга» Филиппа Котлера, словно захватывающий роман Переса-Реверте. Маркетинг надолго стал моей философией и путеводной звездой в бизнесе. Позже я узнала, что именно маркетинг дает наиболее сильный толчок к последующей карьере руководителя. В моем случае так оно и случилось.

Открывать дубовые двери филфака мне уже изрядно надоело. Субботы на экономическом приносили гораздо больше удовлетворения. Я летела туда не потому, что боялась быть отчисленной. Иностранные языки не были надежной профессией, это лишь полезный навык для каждого образованного человека. Другое дело — бизнес!

Мне действительно нравилось учиться в бизнес-школе. Это не папа приказал, это был мой осознанный выбор. Биржа и ценные бумаги — первый экзамен. Я зубрила термины и повторяла лекции. Хотя нынче, признаюсь, не отличу авизо от опциона. Финансы меня интересовали мало. Помню, мы составляли баланс в качестве выпускного экзамена, и он не сошелся сразу у всех.

— А-а-а! — он и не должен сойтись, — я цифирки перепутал на доске, — заговорщицки прищурился наш завкафедрой Пашкус, или любимчик Пашкус, как звали его за глаза. Как в песне Пугачевой «Любимчик Пашка». Всем в итоге поставили «зачет».

Меня больше интересовали целевые группы и паблик рилейшенз, истории, которые содержали интересные рекламные сообщения. Маркетинг продукта, маркетинг услуги, и особенно маркетинг личности. Как потом все это пригодилось в моей будущей работе и карьере!

Итак, два факультета, зарабатывание денег уроками, экскурсиями и переводами, бытовые заботы, семейная жизнь... Лошадей я видела редко, но каждый раз мое сердце замирало в благоговейном восторге. Мне хотелось сесть в седло, хотелось чистить лошадей, купать, разносить душистое сено. Но в этот мир было рано, я еще не заработала свой пропуск туда.

Лошади стремительно пронеслись мимо. Пока. Иногда они все же останавливались и даже поворачивали голову в мою сторону. Помню, как-то раз в Александровском парке я уселась на прокатную вороную рысачку и даже самовольно проехала на ней рысью, метров десять, после чего нас поймали, и с лошади меня сняли. Прогулка быстрым аллюром в планы мужа не входила. Бартош был почти на тридцать лет старше, и, конечно, баловал меня всеми

доступными способами. Относился как к дорогой китайской вазе — бережно и, как к ребенку — нежно. Увидев, как я отчаянно болтаюсь в седле, он дико за меня испугался. Анджей запретил подходить к лошади ближе, чем на десять метров.

Но моя эфемерная мечта заняться конным спортом приобрела к тому времени вполне конкретные очертания. Для этого уже не нужно было врываться в круг избранных, допущенных в конноспортивную школу. Коммерческие отношения коснулись тогда и верховой езды тоже. Для приобщения у миру нужны были только свободное время и лишние деньги.

Деньги водились, со временем было сложнее. Там царил мой муж. Надо признаться, разница в возрасте давала мне неоспоримое преимущество. Я как бы была его любимой дочкой, а он — моим заботливым папашей. Я получила задним числом ту отцовскую нежность, которой обделил меня мой родной отец. У Бартоша в Польше оставалась дочь, даже старше меня. Отцовские чувства Анджея изливались на его девятнадцатилетнюю русскую жену, которая в них отчаянно нуждалась. Бартош решал все бытовые проблемы — мыл полы в моей питерской квартире, снабжал семью дефицитными продуктами и учил меня готовить.

Его скудный кулинарный арсенал заключался в двух блюдах — гороховом супе и бигосе. Первое я не любила и поглощала, вяло болтая ложкой в тарелке, а вот второе мне очень нравилось, и я до сих пор с удовольствием иногда его готовлю. Это старинное польское охотничье блюдо. Основу его составляет капуста — наполовину свежая, наполовину квашеная. Причем капусты должно быть меньше, чем мяса. Сперва варится бульон, и чем разнообразнее будут мясные ингредиенты, тем вкуснее бигос! В идеале это должны быть копченая свиная шейка, колбаса, говядина. Нынче я обхожусь только говядиной и телятиной. Вкус блюда, несомненно, страдает, но идея бигоса остается прежней — не капуста с мясом, а мясо с капустой. Еще в бигос добавляется сухое белое вино и чеснок. И обязательно тмин. Он облагораживает простецкий запах капусты. И есть бигос лучше не свежеприготовленным, а на вторые сутки. Этому блюду необходимо настояться. И если добавить в него ягоды можжевельника, то бигос приобретет по-настоящему охотничий аромат!

Кулинарные экзерсисы чередовались с насыщенной культурной программой. В польское консульство, где Анджей работал, постоянно приносили дефицитные билеты на концерты и в театры. Муж был также заядлым путешественником и не хотел сидеть дома в выходные. Мы объездили Псков, Новгород, побывали на Валааме, ходили в театр и на концерты, много времени проводили на теннисном корте. В бизнес-школе меня прозвали «Аля, девочка с ракеткой».

Семейное счастье оборвалось внезапно. Анджей уехал в Польшу решить какие-то неотложные дела и больше никогда не вернулся, остался лежать в польской земле. Сердечный приступ и скоростная смерть...

Закончив универ, из трех возможных вариантов я выбрала самый худший — пойти на работу к дальним родственникам. Работала больше всех, получала меньше всех, терпела пинки и подзатыльники. Зато на работе я познакомилась с бойким парнем и вскоре вышла за него замуж. Меня покорило, что фамилия его происходила от имени Филипп, что в переводе с греческого означает «любитель лошадей».

Ухаживал Филиппенко очень романтично. Коммерческий директор птицефабрики, он к нам приехал покупать рацию для служебного пользования. А у этой самой птицефабрики была своя конюшня. И Филиппенко любезно пригласил меня покататься верхом. Упустить возможность сесть в седло я не могла. Тем более, что мне была обещана персональная лошадь!

Все оказалось правдой. Конюшня на самом деле существовала. Мне дали огромного вороного мерина латвийской породы по кличке Ла-Манш, настолько флегматичного, что мы с ним даже рысью не смогли поехать. Сколько я ни старалась его послать, то есть толкнуть прижатыми к бокам ногами, ничего не получалось. Ленивый Ла-Манш, или, по-простому, Мальчик, явно не хотел напрягаться! Всю дорогу мы ходили шагом. Конюшечные девочки презрительно

оглядывали девку, которую привезло начальство, и не сочли нужным помочь ей справиться с лошадьёю. И все равно это было счастье. Я — всадник!

С Филиппенко мы поженились, несмотря на то, что с птицефабрики его «попросили». Мне не казалось важным, что будущий муж стал безработным и не имел питерской прописки. Я любила его. Но он оказался именно тем солдатом, которые обязательно становятся генералами. Вскоре нашел новую хорошо оплачиваемую работу. Но его кипучая энергия не сочеталась с умением устанавливать контакты с людьми и заводить нужные знакомства. У меня же была подруга, американка Лея Галперин, из Нью Йорка.

Лею прислали в Питер на целых два года, но ей жилось в России несладко. Маленькая хрупкая девочка оказалась вдали от дома, от заботливых еврейских папы и мамы. Один на один со взрослым миром, враждебным и жестоким. Фирма снимала служебную квартиру, которую ей приходилось делить с начальником-антисемитом. На работе он ей фальшиво улыбался, дома — гнобил.

Лея завела себе таксу. Моя боксерша Цезария и ее Маца познакомились на собачьей площадке. Нас просто свела судьба в непростой период жизни. Лея терпела ненавистное начальство, я мучительно притиралась к мужу. Мы по-женски делились проблемами и поддерживали друг друга морально.

Лея представляла в Петербурге Американский Институт Мировой торговли, и у нее имелась потенциальная возможность устроить мне грант на обучение за полцены.

— Аля! Чем ты в данный момент собираешься заниматься? — спросила меня она.

— Я хочу беби, — ответила я.

— О Кей! Тогда мы займемся карьерой твоего мужа.

И грант на обучение достался Филиппенко. Потом Лея помогла ему грамотно составить резюме, и мой муж устроился маркетологом в иностранной компании. В период беременности я писала за него бизнес-планы, придумывала слоганы для рекламной кампании фирмы, благо, моя голова не была забита рабочими проблемами. Я тогда уволилась с ненавистной работы и готовилась к зачатию ребенка...

Это был мой заслуженный отпуск. Можно было заниматься творчеством и наслаждаться прогулками в осеннем парке, расцвеченном золотыми липовыми и красными кленовыми листьями.

Я очень хотела стать мамой. Родилась дочка Лиля. Почти Лея. В честь подруги.

Лея вышла замуж за врача-педиатра, в Америке. Первенцем был мальчик, зато второй ребенок, девочка, был назван еврейским именем, которое отдаленно напоминало звучание моего имени. Дочь евреев-ортодоксов не могла носить имени «Алевтина».

После рождения ребенка муж резко переменялся. Он решил, что я теперь у него под пятой, и перестал идти на компромиссы, которые в браке — вещь сугубо необходимая. После тирана-отца мне нежданно-негаданно достался тиран-муж.

«А куда ты теперь денешься?» — заявлял он. Муж часто находил какой-нибудь мелочный повод и раздувал скандал, наслаждаясь произведенным эффектом. Когда ребенку исполнилось семь месяцев, он просто выгнал меня на работу, заявив, что влюбился в деловую женщину, а домохозяйку терпеть не намерен. Поплакав украдкой в подушку, я, скрепя сердце, нашла дочке хорошую няню и стала искать работу.

Первое же собеседование завершилось удачно. Наверное, у меня был такой отчаянный вид, что меня сразу взяли! Я дорвалась до работы и моментально сделала неожиданную карьеру в очень большой компании. Пригодились и знания, и жизненный опыт, и умение ладить с людьми. Придя в компанию человеком «с улицы», без рекомендаций и протекций, через три месяца я уже была фактически человеком номер три после двух учредителей бизнеса. Мне нравилась работа маркетолога, и я делала ее с огоньком и нескрываемым удовольствием.

Однако мой бурный карьерный рост пришелся явно не по вкусу мужу. Сама того не желая, я обошла его в бизнесе. Солидная должность, неплохая зарплата и практически безграничное доверие руководства. Несмотря на это, в семье у меня был, по выражению мужа, «номер шестнадцатый». Мое мнение не учитывалось, да и деньги муж отбирал в день зарплаты и составлял семейный бюджет по своему усмотрению. В основном, на себя, любимого.

— Рыбкам деньги не нужны, — говорил он. — И птичкам тоже!

Терпеть это было тяжело и обидно.

Обстановка в семье накалялась, и мне нужно было срочно найти какую-то отдушину. Мне опять приснился ангел Рафаил. Он молчал, но в руках у него были какие-то ремешки и железки. Да это же уздечка! Верное решение было найдено! Я займусь верховой ездой по выходным!

Я нашла конный прокат совсем рядом с домом, в Стрельне. Что такое прокат? Это такое место, где каждый человек может заплатить деньги и покататься верхом. Впрочем, профессионалы не говорят «кататься». Они говорят «ездить».

В одно прекрасное утро я надела штаны без внутренних швов, старые сапоги, перчатки, взяла сухари и морковку и поехала на электричке в Стрельну. Где-то слышала, что там был конный прокат. Где конкретно — не знала, но добрые люди подсказали.

Здание конного проката выглядело ужасающе ветхим, но оттуда доносился самый прекрасный на свете запах — лошадей! Любезная барышня Юлия спросила, ездил ли я раньше верхом. Я гордо ответила — да! Мне дали рыжую в белых носочках буденовскую кобылу по кличке Даурия и поставили в «смену». Это когда на манеже несколько всадников едут друг за другом, соблюдая дистанцию, и по команде тренера делают перемену аллюров, остановки, смену направления, то есть отрабатывают простейшие навыки управления лошадью. По хорошему, в первый раз человека надо посадить на лошадь, бегущую по маленькому кругу на корде — на веревке, чтобы в случае чего контролировать ситуацию и отработать начальные навыки управления лошадью. Я обошлась без корды и отъездила всю смену, ни разу не упав.

Манежик крошечный, бывшая танцплощадка с колоннами, которые следовало аккуратно объезжать. Хитрые прокатные лошади сразу понимали, кто сидит сверху и норовили зацепить колонны коленками «чайников», которые ими управляли. По счастью, Даурия оказалась честной лошадью, и подобных проблем у меня не возникло. Зато старенькое полуразвалившееся седло, из которого торчали плохо заколоченные гвозди, причиняло боль при каждом движении лошади.

Скажу сразу: ездить шагом очень легко. Когда человек проехался на лошади шагом, он горд и счастлив, но когда происходит ускорение аллюра, уверенность новичка проходит. Когда лошадь переходит в рысь, всадника начинает подбрасывать при каждом движении лошади. Усидеть на ней сразу становится трудновато. Поэтому в седле принято «облегчаться», то есть вставать и приседать на стремянах. Так всадник меньше устает. Эта езда называется «строевой». Пять-семь минут рыси, снова шаг, потом опять рысь, шаг и потом три минутки галопа, потом несколько кругов рыси и снова шаг. Вот и вся тренировка. Галопом я не поехала в первый раз — было страшно. Въехала в центр манежа и наблюдала, как галопируют более опытные «чайники».

Тренировка закончилась. Я благодарно похлопала Даурию и «отдала ей повод» — позволила лошади вытянуть шею. Рыжая лошадка получила свои лакомства и осталась ждать следующих прокатчиков, а я, потирая изрядно измученные конечности, поплелась домой.

Как же у меня все ныло и болело! Весь фокус в том, что при верховой езде задействованы те мышцы, которые мы не используем в обычной жизни. Более того, до тех пор, пока эти мышцы не накачаются, ты и не сядешь как следует на лошадь. Вопреки расхожему мнению, ноги от верховой езды не кривятся. Растягиваются связки, и нога как бы ложится по боку лошади. Носок вверх, пятка вниз. Это основа основ и залог крепкой и устойчивой посадки. У

детей растягивается и накачивается все быстро, а у меня, взрослой женщины, это было мучительно. Я называла это «чувственная походка» — долгое время после тренировки ощущаешь под собой лошадь.

Дома я могла говорить лишь о том, как классно прошла тренировка. Филиппенко был весьма заинтригован и на следующий раз потащился за мной в манеж. И лошади его на какое-то время увлекли. Статус всадника давал явное преимущество перед окружающими, а он был лев, царь зверей. Стремление к популярности было для него естественно. Мир в семье на какое-то время воцарился. Мы оба заполнились до отказа новыми впечатлениями, и скандалы в нашей семье прекратились.

Даурия была очень тряской, но я этого не знала и отмучилась на ней три тренировки подряд. Девушка Юлия наблюдала, как лязгают мои зубы и любезно предложила пересесть на светло-рыжую Викторину, или Викусю, как любовно называли ее прокатчики. Вика была беспородной страхолодиной, но идеально мягкой и удобной для всадника. На Викторине я сделала первый свой галоп. Потом появились Кристина, Дукат, Анжар. Караковая Кристина состояла из двух половинок — точеная породная голова с шеей и грубое тяжеловозное туловище, будто приставленное от другой лошади. Крис-Тина. Голова Крис и туловище Тина. Помесь благородной тракененской и рабочей торийской пород. Поэтому и вышла такая нелепица. Изначально Кристина находилась в частных руках и даже пробовала свои силы в конкуре, но физические данные не позволили ей показать достойных результатов, и хозяйка отдала ее в прокат.

Прокат — самое страшное, что может ожидать лошадь. Фактически она становится снарядом для обучения новичков. Люди разной комплекции и координации дергают ее за рот, плюхаются в седло, дают противоречивые и абсурдные команды. И так три-четыре часа в день. Иногда больше, если хозяева проката совсем уже бессовестные люди. В Стрельне следили за нагрузкой на лошадей, и больше четырех часов никто не бегал. В жару их протирали мокрыми тряпочками, неплохо кормили и вообще стремились создать прокатным лошадям человеческие условия. Кто-то же должен делать эту тяжелую и неприятную работу. Всадниками не рождаются, ими становятся. Прокатные лошади терпеливо учили нас верховой езде, за что им наша большая благодарность! Конский век короче нашего в четыре раза, поэтому, когда я пишу эти строки, никого из моих первых прокатных лошадей уже нет в живых. Слава Богу, если они избежали участи мясокомбината. Надеюсь, они умерли своей смертью от старости.

Когда-то выдающихся лошадей хоронили стоя, в попоне и уздечке... Могилы царских лошадей до сих пор сохранились. А вообще, лучше никогда не видеть, как умирает твой конь, которого ты вынянчил и вылюбил, как вылетает его последний вздох, как закрываются глаза, а зубы обнажаются в жуткой улыбке. Но тогда темная сторона конного мира была мне неведома. Лошади приносили только радость и положительные эмоции. Даже если у этих лошадей имелись серьезные недостатки.

Анжар — старый цирковой конь, орловский рысак, совершенно белый от седины, он умел просить сахарок ножкой и обладал вредной и опасной привычкой вставать на «свечки» или на дыбы. Опасно это потому, что неопытный новичок утянуть назад, и конь опрокинется на спину, придавив собою всадника. Остаться целым и невредимым после такого падения крайне сложно. Анжар бегал в прокате под неопытными новичками, и от «свечек» его отучали как могли. Пару раз он рванулся и подо мной, но его вовремя остановили бдительные инструкторы.

Самым красивым и самым вредным из этой троицы оказался Дукат. Очень похожий на моего Ваньку из детства, караковый или вороной с желтыми подпалинами кабардос (лошадь кабардинской породы) — красивый, но злой и коварный. Настоящий горец. Его привезли из табуна откуда-то из-под Краснодара. Два раза я падала с Дуката так, что искры сыпались из глаз. Один раз он уронил меня на спекшуюся землю возле еще не отреставрированного Константиновского дворца. Со сбившимся от удара о землю дыханием я лежала и смотрела, как со счастливым ржанием Дукат скачет в сторону залива, радостно сообщая всем о том, что изба-

вился от докучливой ноши. Встревоженная Юля нарезала вокруг меня круги с криками: «Аля, вы живы?» Меня подняли, проверили конечности. Защитный пенопластовый шлем, обтянутый черным бархатом, от удара раскололся, но спас мою умную голову. Поясница, которой я «треснулась», дико болела. Меня пересадили на спокойную Викторину, и мы медленно вернулись в манеж.

Дукат любил волю и ненавидел прокат и прокатчиков. Он смиренно бегал в смене за хвостом предыдущей лошади, но на открытом воздухе вспоминал свое гордое прошлое. Глаза его разгорались зеленым огнем, если его обгоняли. На воле Дукат должен был идти первым, во что бы то ни стало!

Второй раз Дукат «ссадил» меня на площадке. Мы делали галоп на конкурном поле, огороженном забором, состоящим из железных прутьев. Тренер Юра Осадченко велел мне «добавить хлыста» на подъеме в галоп. Я знала, что Дукат себе на уме и хлыста не терпит, но послушаться тренера не посмела. Дукат заложил уши и мгновенно «подыграл», то есть подскочил на месте на четырех ногах или в просторечии «скозлил». Я катапультной вылетела из седла, и моя голова пролетела в каких-то сантиметрах от железных прутьев. На мгновение мне даже показалось, что что-то похожее на тугое крыло на миг подхватило мою голову и отодвинуло приземление в безопасное место.

В тот день у площадки дежурил в машине папа одной из девочек. Он перемахнул через забор, подбежал ко мне, помог подняться, проверил, все ли цело. Подбежал и тренер. Наклонился ко мне и обдал густым запахом перегара. В этот момент мне стало ясно, что за мою жизнь, когда я в седле, никто не несет никакой ответственности. Я отвечаю за себя сама, и никто больше!

В конном спорте часто спиваются. Начинается все чаще всего невинно. В Питере, в отличие от Москвы или Минска, никогда не было приличного конно-спортивного центра. Ни одного крытого большого манежа. Был еще когда-то ипподром на улице Марата, но он сгорел. Восстанавливать рассадник азартной игры в тотализатор, чуждый советскому человеку, не стали, и на его месте построили Театр Юного зрителя. Старинные манежи кавалерийских полков прекрасно сохранились, но, функционировали не по назначению. Они заняты выставочными залами и музеями. А неприкаянные спортсмены-конники ездят на улице в любые морозы и греются водкой. Со временем выпивка становилась привычкой, и человек медленно, но верно спивался. Конечно, лошади — тоже своего рода наркотик, но перед химической зависимостью человека от очередной дозы спиртного даже лошади бессильны.

Юра тоже стал жертвой такого постоянного «сугрева». Он пил, потом «завязывал» на какое-то время, смотрел мутным взглядом на лошадей, трезвел, добивался даже каких-то спортивных успехов, бурно их отмечал и срывался опять. Я попала к нему в один из переходных периодов.

Юра был маленький и сухонький, то ли потому, что спортивный, то ли давала уже о себе знать измученная печень. Забегая вперед, скажу, что кончил он плохо. Умер Юра от почечной недостаточности в возрасте 46 лет, хотя последние два года не пил, имел собственную лошадь и неплохо на ней выступал по большим высотам, то есть выше ста тридцати сантиметров.

Меня привезли в ближайшую «травму». Диагноз рентгенолога оказался неутешителен: перелом ключицы и отрыв какого-то там бугорка. Пришлось наложить гипс. В нем можно было мыться, но сам он жутко царапал кожу и мешал спать. Левая рука зафиксирована, все приходилось делать правой. Месяца два я страдала без лошадей и за лошадей. Но это была добровольная жертва, положенная на алтарь конного спорта.

Как и в любом спорте, вокруг каждого перспективного «чайника» всегда начинают толочься некие «специалисты», которые принимаются раскручивать его на индивидуальные тренировки, на собственную лошадь, на дорогую амуницию, на оплату стартовых... да мало еще на что! А если этот человек еще и добрый и порядочный, то стараются из всех сил. Есть

среди них даже люди, виртуозно владеющие гипнозом. Ибо ничем другим объяснить то, что со мной случилось вскоре, я не в состоянии.

Дама, явившаяся в нашу прокатную конюшню не в самый прекрасный день, именовалась Раиса Ивановна Хомутова. Вообще все люди, которые в этой истории сыграли определенную роль, имели «лошадиные» фамилии. Не в самый прекрасный, поскольку то, что случилось позже, мне пришлось расхлебывать еще двенадцать лет, а это срок!

Хомутова — небольшого роста с голубыми глазами навывкате. Ходила в конных бриджах круглосуточно. «Профессионалы» всегда и везде ходят в конных бриджах, даже если гребут навоз. Так их легко можно опознать. Будьте осторожны! Говорила Хомутова очень убедительно и всегда во множественном лице. «Мы решили. Мы подумали» и т.д. При этом ногти на ее руках отличались хронической траурной каемкой. Но меня почему-то тогда это совершенно не смутило. Все прокатчики про Хомутову говорили не иначе, как с почтительным придыханием. Она занималась у самого Смыслова!

Учитывая, что Юра Осадченко, как тренер и человек, в моих глазах упал, его место неизбежно должен был занять другой авторитет. Раиса Ивановна поначалу взялась тренировать девушку Катю на коне, принадлежавшем хозяйке конюшни в Стрельне. Уж не помню кличку коня, но все звали его Веник. Небольшой гнеденький конечек, породистый, но мелкий — роста сто пятьдесят сантиметров, с узкой грудью, чахлым хвостом и неправильным поставом ног. Катя же, напротив, кавалерист-девица роста гренадерского. Смотрелись они вдвоем довольно комично. Из последних силенок маленький Веник прыгал с огромной Катей на спине.

Венику дал путевку в жизнь некий Дядя Боря, который сказал: «гибкий, прыгать будет». Видимо, дядя Боря являлся еще более крутым специалистом, чем Хомутова, поскольку слышав это, наша Раиса Ивановна как-то не на шутку оживилась и продолжила тренировать Катю с еще большим рвением.

Поначалу занятия Кати и Веника в нашем крошечном круглом манежике вызывали живейший интерес. К частным лошадям всегда повышенное внимание со стороны прокатчиков. У каждого из нас была мечта иметь свою лошадь. Чаще всего она так и оставалась мечтой, поскольку либо заедал быт, либо денег на такую «блажь» не находилось.

У Кати с Веником как-то не заладилось. На любительских соревнованиях по конкуру они заняли третье место от конца. Хозяйку Веника совсем не обрадовал результат, который показал конь. Катю с лошади сняли, и Хомутова тоже получила отставку. Великому тренеру Хомутовой нужна была новая жертва, чтобы реализовать тренерский потенциал, и она взяла за меня. Понимание ситуации пришло позже, а сначала внимание тренера-профессионала мне, естественно, польстило. Раиса Ивановна подходила ко мне невзначай, поправляла руки-ноги, давала мелкие, но ценные советы. После очередной неразберихи в смене она выдала сакраментальную фразу:

— Пора, Алевтина, покупать собственную лошадь. Прокат есть прокат.

К тому моменту я занималась верховой ездой уже год, зачастую по шесть часов в неделю, оставив в прокатной конюшне массу денег. При этом гарантий, что я буду ездить на лошади, которая мне подходит и нравится, у меня не было. Да и спортом на серьезном уровне на прокатном коне заниматься невозможно. А мне отчаянно хотелось спортивных побед. Нужна была собственная лошадь.

Как ни странно, Филиппенко эту идею поддержал. Его московский клиент являлся коневладельцем, и моему мужу захотелось встать с ним на один уровень. Мы стали ездить по конюшням и искать коня. Достойных кандидатов быстро раскупали, и стоили они дорого. Я чуть не купила вишнево-гнедую ганноверскую Филиппинку, но меня опередили девочки из соседнего клуба. Филиппинка досталась им. Поскольку всадником я была неопытным, лошадь мне требовалась спокойная, адекватная и хорошо выезженная, чтобы научить меня премудростям верховой езды. И самое главное, это должна быть лошадь, готовая сотрудничать со всад-

ником. Мышцы, необходимые для верховой езды, у меня накачались, но в седле я себя чувствовала еще неуверенно. История с Дукатом показала, что я не хочу бороться с лошадыю, а хочу равных с ней отношений, своего рода дружбы.

С полом предполагаемой лошади было решено — кобыла или мерин, то есть кастрированный жеребец. Кобылы, как все женщины, существа капризные, особенно в момент «охоты», то есть в тот период, когда кобыла готова к спариванию. Это серьезный минус. Зато мерин, как лошади, лишены определенной радости жизни — как правило, существа равнодушные. Это тоже плохо. Кандидатура жеребца на должность моей первой лошади не рассматривалась по вполне определенной причине. Жеребец — мужик, у которого женщины всегда будут на первом месте. Если жеребец побежит «жениться», то справиться с ним будет крайне сложно. Результатом самопроизвольного спаривания лошадей в манеже могут стать серьезные травмы всадников. Это было ясно даже мне.

Еще мне хотелось, чтобы лошадь была крупная, поскольку я и сама не маленькая и не худенькая. Для гармоничного вида. Я бредила выездкой и мечтала о лаврах Елены Кочетковой, которая, как оказалось, и была той самой «тетенькой», которая так грубо прервала мой сказочный полет в возрасте четырех лет. И та лошадь, на которой я сидела, был Пепел, олимпийский чемпион.

С породой я тоже определилась. Я хотела лошадь тракененской породы. Это одна из древнейших заводских пород, и ее история насчитывает более трехсот лет. Древнее только арабская, ахалтекинская и английская скаковая, она же чистокровная верховая.

Родина тракенов — конный завод «Тракенен» в Восточной Пруссии, это на территории нынешнего Калининграда. Английских и арабских жеребцов скрещивали с местными прусскими кобылами, добываясь выведения крупной, добронравной и красивой лошади для нужд немецкой кавалерии. Перед Второй мировой войной это была одна из лучших пород для конного спорта, хотя и уступала в красоте нашей орлово-растопчинской.

Все знают орловских рысаков, упряжную породу, которую вывел граф Орлов. Совместно с графом Растопчиным Алексей Орлов заложил основы еще и замечательной верховой породы. Лебединая шея, маленькая сухая голова с красивыми большими глазами, высокий рост, стройные сухие ноги с высокими копытами, только темные масти — вороная или темно-гнедая без отметин, — таковы были основные черты представителей этой замечательной породы. Характерного «растопчинца» можно увидеть на картине Брюллова «Всадница», на «растопчинце» сидит император Николай I на памятнике рядом с Исаакием, да и Клодту для скульптур на Аничковом мосту тоже позировали «растопчинцы». Эта лошадь — грациозное чудо, горячее, но при этом хорошо управляемое и кроткое, как ребенок. Известно, что граф Орлов браквал дурноезжих лошадей и на племя их не пускал. Орлово-растопчинская лошадь — лошадь офицера или его супруги, предмет гордости хозяев, ожившая скульптура или картина. Наше национальное достояние. Перед войной почти все поголовье орлово-растопчинской породы, оставшееся после ужаса Гражданской войны, было сосредоточено на Украине. Лошади попали в зону оккупации... Так мы лишились орлово-растопчинской породы.

Маршал Буденный — большой знаток и любитель лошадей, решил поквитаться с немцами. Ценных маток с жеребятами и часть племенных жеребцов конного завода «Тракенер» немцы эвакуировали, но значительная часть поголовья завода досталась русским войскам. Трофейные лошади отправились в Ростов, в Сальские степи. Часть табуна не выдержала долгого перегона, часть — не смогла акклиматизироваться в России. Но выжившие дали потомство, и СССР получил некоторую компенсацию утраченным в годы войны растопчинцам. Тракенов активно использовали в классическом спорте, и практически все крупные олимпийские и европейские победы были одержаны советскими спортсменами на лошадях именно этой породы. Иخور Ивана Кизилова и этот самый Пепел Елены Кочетковой были у всех на слуху.

Эта черная лошадь и сердитая «тетя» и заразили меня болезнью, под названием «лошади». История моего дебюта в седле быстро распространилась среди прокатчиков. Раиса Ивановна Хомутова дала мне кличку «позолоченная попа».

Хомутова тем временем втерлась в доверие не только ко мне, но и к моему мужу, сыграв, в первую очередь, на гигантском его самолюбии и тщеславии. Невысокий, физически крепкий и хорошо скоординированный, мой супруг был буквально создан для верховой езды, но ему не хватало терпения и упорства. Филиппенко вообще все давалось очень легко. Он рьяно брался за новое дело, добивался невиданных успехов и быстро терял все завоеванное. В основном благодаря своему скверному характеру.

Хомутова методично «кормила» нас байками о том, что конный спорт — самый демократичный. Дескать, можно начать в любом возрасте и добиться умопомрачительных успехов. Нужно только найти правильную лошадь. В пример приводилась Лиз Хартель, которая переболела полиомиелитом и всю жизнь хромала. Конным спортом Лиз начала заниматься после тридцати, но смогла выиграть Олимпийские игры. Какой пример для подражания!

А вот Елене Кочетковой от Хомутовой частенько доставалось. По ее словам, Кочеткова была лишь хорошим демонстратором. Готовили Пепла к Большому призу совсем другие люди, но у Кочетковой был папа — министр сельского хозяйства СССР, поэтому она и получила Пепла, который позволил ей стремительно ворваться в мировую конную элиту. Принижение достоинств заслуженной всадницы явно придавало Хомутовой уверенности в себе.

Нужная лошадь все никак не находилась. Одна была слишком маленькая и хрупкая, другая не подходила по здоровью, третья — слишком молодая и неопытная, четвертая обладала дурными привычками, пятая от рождения была непригодной к выезде. А я уже считала добытые розетки с лентами в своих мечтах! Пятая была настолько горяча и неуправляема, что сидеть на ней было просто страшно. Второго Дуката мне не хотелось.

Для тех, кто не в курсе, расскажу, что такое выездка или высшая школа верховой езды. Изначально это один из военных навыков лошади. Для того, чтобы всаднику-воину удобно было наносить удары сверху по врагу, лошадь должна была идеально слушаться седока, уметь разворачиваться на месте, идти назад, вставать на дыбы и многое другое. Такие элементы выездки, как пируэт, осаживание и лансада имели чисто практическое назначение — развернуться, подобраться к врагу и встать так, чтобы всаднику было удобно колоть-рубить врага. Со временем выездка превратилась в развлечение офицеров, а потом и совсем перешла исключительно в область спорта.

Лошадь для выездки должна выглядеть своеобразной лошадиной супермоделью. Она обязана быть правильного сложения, иметь длинную шею с удлинненным затылком, небольшую голову, правильные и свободные движения. Выездковая лошадь парит, едва касаясь земли, буквально пожирая ногами пространство. Тогда лошадь «судится», то есть получает у судей высокие баллы. Выездка так же необъективна, как бальные танцы или фигурное катание. Идеальная масть для выездки — вороная, желательно без отметин. Тогда она сочетается с черным фраком и цилиндром всадника и смотрится монументально. Впрочем, спортсмены ездят и на гнедых лошадях, и даже на рыжих и серых, но картинка получается уже другая. Менее четкая.

Хомутова смаковала каждую отсмотренную лошадь и пускалась в длительные и пространственные объяснения, почему именно эта лошадь нам с Филиппенко не подходит. Я уже начала терять терпение, но услышала от тренера, что хорошие лошади достаются тому, кто умеет ждать.

Лошадь для меня неожиданно нашла Катя, та самая, что ездила на Венике. После того, как с Веника ее сняли, было решено, что «Алька купит большую лошадку и Катя будет на ней заниматься спортом». Конечно, Катя хотела прыгать, но для начала ее большой спортивной карьеры выездка тоже сгодится. Алькины интересы в расчет не брались. Зачем? Алька — денежный мешок.

Итак, присмотренный Каткой для себя, любимой, конь семи лет, караковый без отметин, тракененской породы звался Хуторок. Катя увидела его на соревнованиях по выездке и выяснила, что хозяйка готова Хуторка продать. Мне показали плохого качества видеозапись, на которой я вообще мало что рассмотрела. Требовалось ехать в Гатчину, в клуб «Верхний парк». Смотреть коня надо было быстро, поскольку хорошие лошади мгновенно продавались. В ближайшую же субботу мы с мужем, подхватив по дороге Хомутову и Катю, поехали в Гатчину смотреть коня.

На соревнованиях Анфиса заняла семнадцатое место из восемнадцати участников. Катя рассказала, что Анфиса очень жестко выезжала Хуторка, а на соревнованиях хлыстом ни-ни, вот Хуторок и отомстил хозяйке и не выполнил нужные элементы. Сейчас-то я понимаю, что это чушь собачья, но тогда такое объяснение показалось мне вполне убедительным.

Навстречу нам вышла большая женщина. Если сложить вместе меня, Хомутову и, может быть, еще хватило бы места для Филиппенко, вышла бы одна Анфиса. Меня, конечно, предупредили, что Анфиса — женщина крупная, но «коня под ней видно», то есть Хуторок — лошадь большая и солидная, и даже Анфиса не смогла затмить его собою...

— Мы хотим купить у вас лошадь, — смело сказала я. Анфиса смерила меня оценивающим взглядом и сперва вывела на корде небольшую серую кобылу. Кобыла была интересной лошадью хобби-класса, но решительно мне не подходила. Я поблагодарила Анфису за труды, похвалила серую кобылу, но твердо заявила, что меня интересует только Хуторок.

— Хуторок... — сказала кавалергард-Анфиса и завела кобылу в конюшню. Она отправилась чистить и седлать того, кто станет моей первой и самой большой любовью, моей гордостью, моей болью, моим **САМЫМ КРАСИВЫМ КОНЕМ**.

Глава 3

На мгновение мне показалось, что это какое-то де-жавю. Большая черная лошадь, виденная в детстве, вышла на грязный неухоженный плац. Та же кошачья грация движений. Только вороной Пепел словно забрел на поле одуванчиков и перепачкал морду в цветочной пыльце. И стал караковым, то есть вороным с желтыми подпалинами. Я зажмурилась и снова открыла глаза. Ну конечно нет, это совершенно другой конь!

Крупный, удивительно гармонично сложенный конь повернул ко мне небольшую голову с легкой горбинкой. Он посмотрел на меня пристально и внимательно. Анфиса крикнула и села в седло. Конь крикнул тоже — у него на спине вместе с седлом лежало полтора центнера живого веса. В седле Анфиса держалась удивительно хорошо. Она уверенно собрала лошадь, то есть двинула ее шенкелем или внутренней частью ноги и как бы сжала лошадь в тугую пружинку между рукой и ногой. Сбор — это как первая позиция в балете. Без сбора лошадь не может принять исходное положение, из которого делаются все элементы выездки. Конь был красив на свободе, но в сборе он оказался великолепен. Длинная шея с красиво очерченным затылком и длинный волнистый хвост, которым он отмахивался от Анфисиных шпор.

Хуторок двигался собранной рысью, прибавлял ее, выбрасывая ноги почти до самой морды, делал «принимание» на всех аллюрах, то есть двигался вбок, перекрещивая ноги, делал перемену ноги на галопе. Это удивительно красивый элемент выездки, когда лошадь словно перебирает ногами в воздухе, как танцует. Хуторок ходил назад, разворачивался на месте на передних и задних ногах. В общем, он почти отъездил программу Малого приза. Но удовольствия от такой езды он явно не получал. Конь скрипел зубами. С мундштука капали хлопья пены на широкую черную грудь и передние точеные ноги.

— Крытого манежа у нас нет, — жаловалась Анфиса, отхаживая коня. — Нет грунта — лошадь стоит. Поэтому и умеет меньше, чем положено по возрасту. Ему семь лет, пора уже и Большой приз ехать.

Анфиса спрыгнула с коня и бросила мне повод:

— Общайтесь!

Мне позволили немного поездить на Хуторке самой. Как же это было здорово! То же, видимо, чувствует автолюбитель, пересевший с «Запоржца» на «Мерседес». Я ощущала широкий, просторный шаг, видела большое колесо шеи перед собой. При малейшем напряжении шенкеля лошадь подбирается и ловит команду. Не скажу, чтобы конь был «диванистый», как раз довольно тряский, но когда Хуторок в сборе, сидеть на нем достаточно удобно. Рысь очень широкая, просторная. Хуторок будто зависал над землей. Хотя на самом деле не зависал, просто так бежал. И сам он глубокий и широкий, после узкогрудых, «селедочных» прокатных коней — это было непривычно. Коня подо мной было очень много.

Но самое главное в Хуторке оказалось не это. Да, он красив, изумительно сложен. Но помимо всего прочего, это была сильная лошадиная личность. Яркая конская индивидуальность. Лошадь, исполненная силы и не злоупотребляющая этой силой. Эти определения появились позже, а в тот момент в голове мелькала только одна мысль. ЭТО МОЯ ЛОШАДЬ. Я наконец-то ее нашла!

Я наклонилась вперед, обняла коня за шею и сказала присутствующим:

— Вы можете делать со мной что хотите, но с этой лошади я не слезу, стащите, если сможете.

Хомутова довольно улыбалась. Алька «запала» на Хуторка.

Мы дошли до самого главного — до цены. Анфиса спросила, на какую сумму мы рассчитываем. Хомутова не велела называть больше семисот долларов, что я и брякнула. Анфиса возмущилась и бросилась заводить коня в конюшню.

— Пять тысяч, пять тысяч, не меньше! — негодовала она. Хуторок посмотрел на меня внимательно и грустно и зашагал в конюшню. Мы уехали, не солоно хлебавши.

Хомутова дорогой ворчала, что пять тысяч — это слишком дорого. Хуторок, конечно, жеребец отличный, но денег таких не стоит.

Жеребец! Хуторок — жеребец. И при этом спокойный и адекватно реагирующий даже на такого неопытного всадника, как я. Уже не помню, как мы все разъехались в тот день. Я впала в жесточайшую депрессию. Даже неудачи на любовном фронте, которые у меня, как у любой нормальной девушки, периодически случались, не выбивали из себя так бесповоротно.

Это словно у ребенка отняли любимую игрушку, будто разлучили влюбленных, будто у нищего отобрали последнюю корку хлеба. Да, эта лошадь мне не принадлежала, но мне так хотелось, чтобы она была моей. Наверное, то же чувствует маленький уродливый пацанчик, мечтающий о диве с журнальной обложки. Казалось, меня впустили в какой-то удивительный мир, а потом грубо вытолкали за ворота. Все случилось так же, как и в детстве, когда неожиданно появилась хозяйка вороного Пепла. Мне было горько и обидно! И мне опять было четыре с половиной года.

Ночью мне приснился Рафаил. Он ничего не сказал, только улыбался. Нет ничего более приятного, чем смотреть в лицо улыбающегося ангела...

Это было полное фиаско. Ничто не радовало, на работе все из рук валялось. Впрочем, на службе у меня действительно было неважно. До такой, что просто ноги туда не несли.

Медленно, но верно ситуация накалялась и с каждым днем двигалась к трагическому финалу. Я работала в огромной империи, созданной сильной бизнес-леди Светланой Львовной Андреевой. Фирма была ее детищем, любимой игрушкой, светом в окошке. Светлана Львовна дневала и ночевала на работе, постоянно совершенствовала механизм зарабатывания денег, и без того исправно функционирующий. Меня она определила на роль арбитра, доверяла безгранично и советовалась по всем вопросам, начиная от презентационных материалов и заканчивая ее личными взаимоотношениями с сыном и гражданским мужем.

Муж, как положено, значительно моложе, красавец и карьерист. Николай работал маркетологом до меня, но ушел в другую компанию. Светлана Львовна постоянно приводила его в пример. Авторитет Николая регулярно портил мне жизнь в фирме Светланы Львовны.

Однажды я не выдержала и задала ей откровенный вопрос:

— Светлана Львовна, когда вы избавитесь от «комплекса вдовы»?..

От такой наглости у нее чуть не выпала сигарета изо рта. Начальница уставилась на меня огромными карими глазами, в которых было и удивление и любопытство.

— Это как? — наконец выдохнула она.

— Очень просто, — отозвалась я. Если у женщины умирает муж, которого она очень сильно любила, то потом она не может выйти замуж, всех последующих мужчин она сравнивает с бывшим. Светлана Львовна, или увольте меня или перестаньте, пожалуйста, сравнивать с Николаем. Начальница долго молчала. Сильная женщина, она справилась с гневом, взяла себя в руки, оценила мой ответ и уже больше никогда не сравнивала меня с предшественником и не ставила его в пример.

После этой истории я почти все рабочее время проводила в кабинете руководителя, участвовала практически во всех разработках рекламного, маркетингового характера и всего, что касалось не только имиджа ее компании, но и лично начальницы. Для того, чтобы я не травилась табачным дымом, был куплен прибор, фильтрующий воздух. Хитрая техника не выдержала и вышла из строя через месяц. Курила Светлана Львовна как паровоз. Она просто не могла думать без сигареты.

Иногда откровенность начальницы даже пугала, поскольку была чрезмерной. Я ценила степень доверия, которую она мне оказывала и хранила многие ее тайны. И сейчас не смогу подробно рассказать о том, каким образом пришла к решению уволиться. Скажу лишь, что на

мое место человека номер три в империи существовал еще один претендент. Назовем его Леонид Рождественский. Старейший сотрудник компании. Но его всякий раз обходили в борьбе за должность зама генеральши. Сначала красавец Николай, потом я. Леониду пришла пора доказать, кто на самом деле достоин быть Арбитром в компании. Рождественскому было хорошо за сорок, и надо было делать карьеру любой ценой. Это был его ПОСЛЕДНИЙ ШАНС.

Он не знал, что Светлана Львовна уже дала ему определение и в своем сознании навесила на него бирку, понимая, чего стоит Рождественский и где его место. Он же искренне считал, что я просто перешла ему дорогу, и решил объявить мне войну. А мне так хотелось спокойной, мирной жизни. Я, наверное, была прирожденной пацифисткой. Рождественский меня открыто ненавидел. Но тщетно. Мое положение в компании и мой авторитет были непоколебимы.

Дефолт грянул как гром среди ясного неба. Казалось бы, ну заигралось государство в краткосрочные облигации, ну обанкротилось. А я-то при чем? Но тогда пострадали все. Помню, как курс в «обменниках» менялся каждые десять минут, как стремительно таяла моя шикарная по тем временам пятисотдолларовая зарплата. Как доллар подорожал в пять раз, а зарплату подняли всего процентов на двадцать.

Светлана потеряла счет в банке, на котором, по слухам, лежало все ее состояние — двести пятьдесят тысяч долларов. Когда вклад еще можно было забрать, Светлана Львовна находилась на турецком курорте Мармарисе и не могла вернуться в Россию. Деньги сгорели. Светлана Львовна, и без того не очень сдержанная в выражениях, превратилась в настоящую фурию.

Муж мой тогда работал в стабильной инофирме, платили там долларами по реальному курсу, да и кризис их рыночного сегмента практически не коснулся. Меня же дефолт зацепил, и очень больно. Взбунтовалась няня, потребовав за работу доллары, а не рубли. У нее был пьющий муж и четверо детей, один из них совершенно глухой. Мы договаривались на зарплату в двести долларов, платила я ей рублями по курсу. Ее двести долларов после дефолта превратились в пятьдесят.

Ее проблемы были ясны. Самое простое в ее ситуации — просить у меня больше денег. Светлана индексировать мою зарплату отказалась.

Это была формальная причина моего ухода. Настоящую же я никогда никому не расскажу. Хотя бы из уважения к этой мужественной женщине, сидя в кабинете которой я научилась управлению компанией. Не могу сказать, что копирую ее стиль управления. Я училась тому, как делать надо, и как делать не надо. И неизвестно, что в итоге оказалось более ценным.

Не хочу вдаваться в подробности той неприятной истории, которая случилась тогда в компании, но неизвестно, как повела бы себя я под грузом ТОЙ ответственности. Светлана Львовна держалась мужественно, как настоящий боец. Но принятое ею решение вызвало в моей душе бурный протест, оставаться в компании далее мне не хотелось.

Я дала понять Рождественскому, что проиграла. Написала заявление об уходе, которое моя начальница, подумав, подписала. Рождественский был доволен... Оставалась единственная опасность — что он станет отыгрываться за все бывшее на моей подчиненной и верной соратнице Кире. Та пребывала в шоке. Она не понимала, почему я проиграла бой Рождественскому, даже не успев толком в него вступить. Сама отдала ему отдел, должность. Я не могла объяснить ей мотивы поступка. Для меня это походило на тактическое отступление Кутузова из Москвы. Попытка сохранить остатки уважение к сильной женщине-руководителю. И Рождественский тут ни при чем. Зарплата — только повод. Я сама хотела покинуть уйти...

Рождественскому так и не удалось ничего добиться. Отношение руководства к нему не изменилось. Не помог даже нетривиальный поступок — женитьба на совладелецнице компании. Он так и не поднялся до роли Арбитра в империи. Но свято место пусто не бывает. Вскоре у Компании появился новый Арбитр...

Итак, с каким багажом я заканчивала 1998 год? Я безработная. Карьера рухнула. Лошадь моей мечты купить не удалось. Я по-прежнему ездила на Анжаре и боролась с его цирковыми привычками.

Мои беды неожиданно встретили поддержку и понимание со стороны мужа. Скандалы в семье прекратились. Ну, почти прекратились. Сначала неприятности на работе у него, потом у меня. Мы утешали и поддерживали друг друга, и это сплачивало семью. Пожалуй, это было самое счастливое время нашей совместной жизни.

Неожиданно мне выпадает ШАНС. Боссу мужа Алексею Слатвинскому срочно нужен был переводчик. У него тогда было четверо деловых партнеров, и они одновременно приехали на осеннюю строительную выставку. Их полагалось «развести по разным углам», чтобы они не встретились «нос к носу». Англоговорящих в фирме Алексея не хватало, и Филиппенко предложил мою кандидатуру.

Мне достался молодой, лет тридцати, весьма импозантный швед по имени Бьен. Встретились мы в ресторане на последнем этаже «Прибалтийской», где он остановился, и за ужином повели неспешную беседу — вначале о разнице русского и шведского менталитетов, потом и о кризисе в России, о рынке кровельных материалов, о перспективах развития рынка. Из ресторана мы переместились в лобби отеля, где сидели рядышком на мягком диванчике, потягивая коньяк. Швед расслабился и даже доверительно хлопнул меня по коленке.

— Скажи, Аля, что сделать, чтобы завоевать этот рынок?

— Все просто, Бьен. Дай Алексею низкие цены и через год сможешь праздновать победу.

Вечер пролетел незаметно, и я заторопилась домой. Казалось, ничто не мешало продолжить знакомство... Но Бьен молчал. Но пристально вглядывался в меня, словно ждал какого-то приглашения. И не дождался. Я замужняя женщина. Каков бы ни был мой Филиппенко, мысли наставить ему рога у меня не возникало ни разу. Сидя рядом с Бьеном, я не испытывала ничего, кроме неловкости. Почему? Не могу ответить на этот вопрос даже себе. До сих пор помню: он смотрит вопросительно, я опускаю взгляд.

Швед не спеша расплывается, подает мне пальто. Садясь в такси, я сдержанно улыбаюсь. Он благодарит за приятный вечер. На прощанье дает визитную карточку с номером мобильного телефона, по которому я так и не позвоню. Я и так счастлива, что провела чудесный вечер. Отвыкла от мужского общества, проводя каждый день со Светланой Львовной в ее кабинете. Рождественский не в счет. Он, по-моему, и не мужчина вовсе. Повадки у него не мужские... И смех бабский. Не к ночи будь он помянут!

Но, сидя в такси, я мечтала о караковом Хуторке. Ненормальная я все-таки, не иначе.

На следующий день позвонил Филиппенко. Заявил, что босс поражен, насколько грамотно я «раскатала» Бьена. Слатвинский еще ничего не успел сделать, а Бьен уже выкатил ему такой низкий ценник, от которого у того даже очки запотели. Мне передали гонорар за работу и приятный подарок — коробочку духов «Джой». Неплохой заработок за вечер и приятная награда за супружескую верность. Теперь я знаю, чем пахнет верность. У нее запах ландыша...

Через неделю босс мужа решил посетить шведский город Карлстад и посетить производство своего второго партнера, Йоргена. Слатвинский решил взять с собой Филиппенко и... меня. Целый день в Стокгольме и три дня в Карлстаде. Здорово! Это ли не повод сменить обстановку и развеяться?

Сам Слатвинский оказался еще импозантнее Бьена. Но, в отличие от теплого и довольно открытого шведа — холодный и малодоступный. Точнее, замороченный. Во всем видел только темную сторону. Сидя в уютном купе шведского поезда, уносившего нас из Стокгольма в Карлстад, я вслушивалась в мужские разговоры. Это большой бизнес, и мне надо было срочно усвоить его законы. Но для моего бизнес-развития эта поездка была совершенно бесполезна. Роль, отводившаяся мне, была всего лишь настроить шведа на позитивный лад. Думаю, я хорошо справилась с задачей, но кое-какой бонус был приготовлен и лично мне. Выяснилось,

что дочь Йоргена Линда занимается выездкой и держит собственную лошадь. На следующий день мужчины удалились на переговоры, переводил на них мой муж. А меня ждали на конюшне для персональной тренировки!

Лошади уже поймали меня в свои сети и крепко держали, не желая отпустить.

Линда оказалась классной девчонкой. Я поняла, что все мы, лошадики, независимо от национальности, немного чокнутые. И отлично понимаем друг друга. Линда трещала про свою Леди Джейн, не умолкая. Как ее купили в Англии после скакового сезона, как долго отучали лошадь нестись сломя голову, как Линда «летала» с нее на поворотах. Только через два года кобыла оказалась пригодна к прогулкам в поле и занятиям выездкой.

На Линдиной кобыле мы не поехали. Копыта у Леди Джейн были недавно расчищены, и подковы сняты. Как женщины делают маникюр, так и лошадям снимают лишний роговой слой с копыт. На воле копытный рог снашивается естественно, а спортивным лошадям расчистку делает кузнец-коваль раз в полтора месяца. Линда вывела Леди Джейн, но потом отвела назад, увидев ее разъезжающиеся на гололеде ноги. Мне достался шведский теплокровный по кличке Тай Пон. Он оказался подкован на шипы, и за устойчивость его хода можно было не волноваться. Огромный рыжий верзила, сто семьдесят пять сантиметров ростом. Карабкаться на него пришлось с табуретки. На спине у коня лежало удобное английское седло, и подкован он был на подковы с шипами, которые позволили передвигаться по заснеженному плацу без малейшего неудобства.

Сразу стало ясно, насколько хорошо выездная лошадь полезна для начинающего всадника. Лучший учитель. Тай Пону было около двадцати лет. Он был большой и добрый. Сколько же новичков вывез он в спортивную жизнь на своей широкой спине? Линда — прирожденный тренер. Тонкий и деликатный. Она то берет меня на корду, то бежит рядом по снегу, поправляя посадку. Она показала, как важно сохранять положение ноги у бока лошади, не «хлопать крыльями», посылая лошадь вперед. Часовая тренировка сразу двинула меня вперед из прокатного «болота». И тут я осознала, что Хуторок мне необходим. И что за него надо бороться.

В ту ночь мне снилось, что вокруг моей кирпичной девятиэтажки на проспекте Ветеранов бегают большая черная лошадь и просится ко мне жить... С тех пор мне снился только Хуторок, а ангел Рафаил надолго меня покинул. На произвол судьбы.

Переговоры с Йоргеном прошли на «ура». У Слатвинского появились два шведских поставщика кровельных материалов, что впоследствии позволило ему занять на рынке лидирующее положение. А я получила должность в его компании. Оклад в пятьсот долларов, и проценты от заключенных сделок. Сумма в пять тысяч долларов, которую Анфиса просила за лошадь, уже не казалась заоблачной. Кроме того, мне предоставили в рассрочку машину. Прекрасный белый джип Нисан Террано достался мне после жены одного из директоров фирмы. Машина была в полной «обвеске» — фаркоп, пороги, «кенгурятник». Как-то жена не рассчитала силы и снесла будку сторожей на автостоянке. Так что машина оказалась боевой. И мощной — таскать прицеп-коневозку ей вполне по силам. Будем ездить на соревнования!

Когда я помогала отцу чинить машины в Абхазии, поняла, что машина — это просто кусок железа. Она так никогда и не стала для меня настоящей ценностью, предметом восхищения или гордости... Это был просто механизм для перемещения тела — из точки А в точку Б. За руль я не рвалась. В автошколе меня погнал Филиппенко. Сказал, что пора получить права. Что ж! Надо так надо! Я послушно попелась в автошколу. Вождение преподавал желчный инструктор Михалыч, который за малейшую оплошность орал:

— Куда прешь?! Все! Ты труп! Труп!

Водить машину мне не понравилось. Ездить верхом намного интереснее. А на второй день выезда в город со мной и вовсе приключилась большая неприятность — мою машину ударил сзади ученик грузовика. Сначала я даже не поняла, что произошло. Стояла под знаком «уступи дорогу» и ждала возможности высунуться на Т-образном перекрестке. И вдруг

«высовывают» меня. Я дико испугалась, а мой инструктор почему-то обрадовался. Он отобрал права у инструктора грузовика и довольно заявил:

— Как мне повезло! А я не знал, как мне «задницу» после зимы отремонтировать!

Так у меня на всю жизнь осталось в памяти, что на дороге, даже если я все сделаю правильно, всегда найдется урод, который сделает мне больно. Мне в зад въехал ученик грузовика! Нарваться на такой конфуз можно было, поймав один шанс из десятка тысяч. Я расценила это как знак, что я не Водитель, а Пассажир. Права у меня есть, но ничто не заставит меня сесть за руль. Впрочем, очень скоро мне предоставили личного водителя. Необходимость рулить самой отпала.

Мое вступление в должность происходило забавно. У Слатвинского имелись три партнера — братья Бубликовы и Александр Сац. Старший Бубликов, Илья, был худеньким и субтильным, а младший, Андрей, раздобыл настолько, что выглядел лет на пятнадцать старше брата. Саша Сац имел узенькие ехидно прищуренные глаза, и никогда не было понятно, говорит он серьезно или шутит. Но в целом все трое производили впечатление простых парней. На их фоне Слатвинский выглядел заправским аристократом. Позже он привил братьям и Сацу вкус к хорошим алкогольным напиткам и дорогим рубашкам из бутика «Макиавелли».

Фирма состояла из нескольких отделов — кровельных материалов, где хозяйничал Слатвинский, отдела окна-двери и отдела продуктов, которыми рулили братья. Сац заведовал фабрикой по пошиву женского белья, также входившей в концерн. Сначала меня взяли в отдел продуктов, который импортировал мясные и молочные продукты из Эстонии. Как меня использовать, не знали, но взяли. У меня был кабинет, стол, шкаф, телефон. И совершенно никакой работы.

От безделья я изнывала ровно день, дожидаясь аудиенции у начальства. Это самое начальство перманентно было занято, и мне пришлось изрядно помучиться от ничегонеделанья. Наконец, я почти ворвалась в кабинет и спросила:

— Господа, вы собираетесь меня как-нибудь... эээ... использовать?

Какой тут поднялся молодецкий хохот!

— А чем бы тебе хотелось заняться? — спросил меня Бубликов-старший, тот самый, который ходил на младшего.

— Находить новые товары и поставщиков и выводить их на рынок, — храбро ответила я. Самое смешное, что еще секунду назад в моей голове не было ничего подобного. Будто кто-то сказал это за меня. — Заместитель генерального директора по развитию бизнеса!

— Дело хорошее, и звучит солидно. Я только в банках видел отделы развития. Мы тоже хотим, чтобы он у нас был. Тебе понадобится ассистент. У нас в магазине на Богатырском есть хорошая девочка Валя. Посмотри, может, она тебе подойдет, — сказал Бубликов-младший.

Девочка и впрямь оказалась чудесная — немного смешная, с толстыми щеками и круглой попой, но активная и энергичная, выпускница «Финэка». Звали ее Валентина, но Валюшка подходило ей больше. Девочка ушла из магазина, и мы стали работать в центральном офисе в четыре руки. Я посещала выставки в Петербурге, регионах, в Скандинавии и Польше, находила новые товарные группы, либо привлекала новых поставщиков уже знакомых нам товаров, но с более интересными условиями для нашей компании. У Вали оказалась феноменальная способность к общению, которая помогала быстро добиваться коммерческих успехов. Она была по-настоящему талантливым Продавцом.

Итак, я снова босс, у меня опять стабильная зарплата, да еще с бонусами. И я отвоевала у мужа право оставлять себе заработанные деньги! Филиппенко уже сам хорошо зарабатывал, и моя зарплата его больше не интересовала.

Самое время для меня повернуться лицом к голубой мечте. Я уговорила Филлиппенко поехать в Гатчину еще раз. На этот раз предложила Анфисе две тысячи долларов, и она, к нашему удивлению, согласилась. Согласилась!

Анфиса долго была в отъезде. За Хуторком плохо смотрели, поэтому жеребец выглядел неважно. На плац вышел, подволакивая ноги. Одно копыто треснуто, живот отвисший. Бедный Хуторок!. Я повисла у него на шее, понимая, что он уже практически мой. И неважно было, что он не в форме. Я обязательно его выхожу, и он опять будет самым красивым. Не знаю, понял ли Хуторок, что у него началась новая жизнь или нет, но моя жизнь с того момента точно изменилась.

Мы с Филиппенко отдали Анфисе деньги, написали договор купли-продажи. На следующий день Анфиса должна была привезти Хуторка в Стрельну на своем коневозе.

Как я ждала этого события! Приезжает моя лошадь!

Я — частный владелец траккененского жеребца! Сбылась самая заветная мечта! Ура! Ура!

Новую лошадь ждали и все мои друзья-прокатчики. Частные лошади в этой конюшне появлялись нечасто. И Хуторок приехал, царственно и неторопливо вышел из коневоза, тряхнул гривой, трубно крикнул. Все-таки жеребец приехал, как-никак! Мужик!

— Вы не пожалеете! — сказала мне Анфиса на прощанье. И оказалась права.

Глава 4

Итак, у купленной лошади был отвисший сенной живот, взъерошенная шерсть, треснувшее копыто и грибки на груди. Заразу быстро вывели, копыто залечили, пузо убралось в процессе тренинга. А пока жеребец восстанавливался, я каждый день обнимала его за шею, и мы друг друга грели. Через какое-то время Хуторок засыпал и начинал потихоньку придавливать меня к стене денника. Я вскрикивала, он просыпался с виноватым видом:

— Прости, мама, я не хотел.

Потом я узнала, что это самый простой и действенный способ быстро восстановить лошадь. Им пользовались кавалеристы. Я ничего об этом не знала и сделала все инстинктивно. Видимо — гены!

Еще у Хуторка обнаружили старые раны на груди и в области коленок.

Оказалось, он двухлетней прыгнул на забор, за которым паслась кобыла, видимо, серой масти, и не рассчитав сил, наделся грудью на частокол. Раны зашили, но к кобылам он относился с осторожностью и, сломя голову, жениться не лез. Но к блондинкам всегда был неравнодушен...

Еще у него обнаружили шрамы на задних ногах. Потом мне рассказали, что он с сестренкой удрали с конюшни, заблудились в поле и запутались в колючей проволоке. Эта прогулка стоила кобылке жизни. Хуторок выжил, но не понаслышке знал, что такое боль и страдание. Наверное, поэтому он никогда не заставлял страдать меня, его хозяйку. От него я всегда получала положительные эмоции. У Хуторка было огромное энергетическое поле. Исключительно позитивное.

В манеже Хуторок сначала не понял, зачем он здесь и попытался покрыть одну из кобыл прямо в смене. Впрочем, это громко сказано. Он погугукал и распустился. Надеюсь, не надо уточнять, что именно это значит. И так всем понятно. На этом интересном месте его подвиги прервали и завели в денник. Я была очень недовольна, разговаривала с ним сердитым голосом и топала ногами. Не знаю, понял Хуторок, за что ему досталось или нет, но история в манеже больше не повторялась. Жеребец спокойно бегал в смене вместе со всеми. Скачек не устраивал, табунов не водил, денник не разбирали на дощечки и палочки.

И все же хозяйка конюшни Марина выглядела недовольной. Хуторок затмил красотой ее Веника. Раньше все гурьбой бежали к Венику — хвалили, давали вкусные кусочки. Теперь всеобщим вниманием завладел Хуторок. Абсолютный красавец и умница. У Хуторка не оказалось ни одной вредной привычки. Ну, разве что он иногда вытаскивал носом овес из кормушки. Может, это были его лошадиные заначки. Но хозяйке конюшни мой питомец категорически не нравился. Марина даже предлагала отрезать Хуторку роскошный волнистый хвост и привесить ее Венику шиньон. Не знаю, понял ли Хуторок, что его хотят лишить хвоста длиною в пол, но мне слышать это было крайне неприятно.

Впрочем, у нас появились и союзники. В соседнем деннике стоял конь директора «Ленэкспо» — игрневый Маркус. Когда его привезли, Марик был рыжий и лохматый. Но потом, то ли от хорошей кормежки, импортных шампуней и кондиционеров, то ли от неусыпной заботы и внимания хозяина и берейтора, Маркус пролинял, «рубашка» потемнела и стала шоколадной, а грива и хвост, наоборот, побелели. Так Марик стал игрневым. Но ума у него так и не прибавилось. Он вертел огромной, как будка, головой и не сразу понимал, что от него хотят. Супруга счастливого владельца Маркуса, приходя на конюшню и наблюдая за невозмутимым Хуторком, приговаривала:

— Аля! Ваш-то Хуторок «мэнээс, мэнээс», а наш Марик... биндюжник!

Титул «младшего научного сотрудника» Хуторок получил за серьезность и интеллект во взгляде. Его профиль с едва заметной горбинкой придавал аристократичное выражение. Глаза — огромные и просто бездонные.

С появлением Хуторка я перестала спокойно спать. Все время беспокоилась. Дали ли ему вовремя поесть? Убрали ли в деннике? Не катались ли на нем в мое отсутствие? Словно у меня вдруг появился второй ребенок. Однажды ночью начался сильный ураган, и мне казалось, что ветхое здание стрельнинской конюшни развалится и придавит мое сокровище. Еле-еле я дождалась утра и приехала на конюшню. Хуторок стоял в деннике и ел кашу. Потолок над его головой не обвалился. Все было в порядке.

Но, поскольку нас из Стрельны выжимали, надо было искать лошади другое место. Марина была не единственной, кто оказался настроен враждебно. Прокатчики перестали со мной разговаривать, словно с появлением у меня собственной лошади я перестала быть членом их клуба. Стрельна была самой удобной по расположению конюшней, но и самой ветхой. Несколько лет ее состояние было признано аварийным.

Найти новое место оказалось не так просто. Крытых манежей в городе имелось штук пять, мест для всех желающих не хватало. В «Просторе» на Крестовском острове мне заявили, что с улицы никого не берут. На Кировском стадионе оказалась слишком теплая конюшня, кони стояли как в каменном мешке, и им там было душно и тесно. «Осиновая роща» — элитный закрытый клуб, где членские взносы платятся на год вперед и составляют несколько тысяч долларов. Мне это не по карману.

Оставалась конюшня мотеля «Ольгино». Добираться далеко, через весь город, но к любимой лошади поедешь и на край света. Естественно, Хомутова поехала со мной. Она уже тренировала меня индивидуально и такой жирный кусок хлеба бросать не собиралась. Вместе с ней пришла Аня Шишкина на должность берейтора, поскольку Хуторку требовалась ежедневная квалифицированная работа. Я была «чайником» и ничему научить Хуторка не могла. Поэтому я каталась, а Шишкина «подруливала» лошадь под руководством Хомутовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.